

АКВАТИКЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

НОВЫЙ РОМАН КЛАССИКА НФ

ДЕЛИРИЙ

Василий Головачев

Делирий

Серия «Никого над нами», книга 2

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=433122

Делирий: Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-45189-0

Аннотация

Роман Волков, эзотерик и экстрасенс, однажды уже выбрал свой путь. Но чтобы двигаться по нему, необходимо учиться, совершенствовать силу духа и тела, одновременно помогая своим друзьям и соратникам в борьбе с темными силами. Однако же те, кто в России прислуживает Поводырям – рептилоидам, вознамерившимся превратить человечество в послушное стадо, – готовы сделать все, чтобы не дать появиться на Земле противнику, способному не только с успехом им противостоять, но и объединить тех, кто хочет и может сражаться за свою независимость. На Волкова начинается охота...

Содержание

СЕВЕР – ЭТО НАШЕ ВСЁ	5
1	5
2	27
3	38
4	65
Конец ознакомительного фрагмента.	108

**Василий Васильевич
Головачев
Делирий**

СЕВЕР – ЭТО НАШЕ ВСЁ

1

Впервые о Китае как о самостоятельной космической державе заговорили в ноябре тысяча девятьсот девяносто девятого года, после полёта первого беспилотного космического корабля «Шэнь Чжоу», хотя спутники Китай начал запускать ещё в семидесятые годы двадцатого века.

Первый китайский юханьгуан или тайконавт, как стали называть космонавтов этой страны во всём мире, Ян Ливэй поднялся в космос пятнадцатого октября две тысячи третьего года.

В две тысячи седьмом Китай вывел на орбиту вокруг Луны первый искусственный спутник «Чаньэ-1».

В две тысячи десятом была смонтирована земная орбитальная лаборатория «Тянгун-1» массой восемь тонн (в переводе – «Небесный дворец»). А через два года Китай успешно вернул с Луны спутник, проработавший там три года.

Ещё через два года китайский юханьгуан-тайконавт Юр Ло облетел Луну кругом, сбросил на поверхность земного спутника вымпел с надписью: «Владения Китайской Народной Республики» – и благополучно вернулся обратно.

Китайская космическая программа продолжала развиваться небывалыми темпами и дальше. Во всяком случае, лунную обсерваторию «Дунфанхун» китайские товарищи начали строить практически одновременно с российскими коллегами, создающими совместно с индийцами первую лунную станцию «Луна-Глоб». Опередив, кстати, и европейцев из Европейского Космического Агентства, мечтавших о своей лаборатории, и американцев, поздно спохватившихся по поводу экспансии Луны и торопившихся закончить монтаж базы в районе кратера Фра Мауро, там же, где в тысяча девятьсот семьдесят первом году сел их четвёртый лунный модуль «Аполлон-14».

Но если и россияне, и американцы использовали для этих целей Международную космическую станцию, переведённую к этому времени на лунную орбиту, то китайцы гордо пользовались своим «небесным дворцом», лунной станцией «Тянгун-10», выведенной на орбиту Луны раньше, чем была решена участь МКС¹.

Для постройки «Дунфанхуна» был выбран участок Луны на территории Моря Змеи, рядом с кратером Эймарт. Над этим «морем» чаще всего проходила китайская орбитальная станция «Тянгун-10», работать на борту которой китайцы не приглашали никого, даже российских космонавтов, несмотря на то что они помогали строить станцию в течение двух

¹ В настоящее время существует проект перебазировать МКС к Луне после выработки ресурса эксплуатации в 2016 году.

лет.

В мае две тысячи пятнадцатого года на станцию прибыли первые юханьгуаны-лунники, а уже в июле к ней пристыковался первый грузовой робот, доставивший для монтажа бурильные установки и горнопроходческий комбайн, с помощью которого можно было рыть котлованы и подземные убежища.

За год китайцы высаживались на Луну десять раз, и к маю две тысячи шестнадцатого года их база «Дунфанхун», оборудованная купленным у России передвижным ядерным реактором, готова была принять экипаж.

Не забывали китайцы и об исследовании земного спутника.

Их «лунные велосипеды» объездили всё небольшое Море Змеи и добрались до Моря Кризисов, где «велосипедисты»-тайконавты обнаружили необычные объекты, похожие на сильно разрушенные каменные дороги.

Именно туда, в район кратера Пикар в Море Кризисов, и решено было направить экспедицию для обследования объекта, напоминающего врезающийся в Луну космолёт. Во всяком случае под этим названием он был известен земным астрономам, которые обнаружили «космолёт» ещё в конце двадцатого века. Несмотря на то что впоследствии «космолёт» ни разу не проявлялся на фотографиях, и даже пролетавшие над Морем Кризисов спутники ничего искусственного в лунных пейзажах не усматривали, китайцев данное обстоя-

тельство не смутило. В начале июля шестнадцатого года космический корабль «Шэнь Чжоу-20» («Волшебная Лодка») с тремя тайконавтами на борту стартовал с космодрома Цзюцзюань в северо-западной провинции Ганьсу, достиг Луны за три дня и взял курс на юго-западную часть Моря Кризисов. Цель им ставилась одна: изучить все «артефакты», располагавшиеся в радиусе полусотни километров от кратера Пикар и объявить их собственностью Великого Китая.

Двадцать второго июля «Шэнь Чжоу-20» достиг Луны и вышел на круговую орбиту на высоте двухсот километров от поверхности земного спутника. Затем пристыковался к станции «Тянгун». Командиром корабля был тридцатилетний тайконавт Цзинь Хайшен, его подчинёнными – тридцатипятилетний Лю Боталь и двадцативосьмилетний Фей Ли-вэй. Все они уже летали в космос и считались опытными тайконавтами.

Точкой высадки была определена ровная площадка Моря Кризисов в километре от горного вала Ванслова, откуда было недалеко и до кратера Пикар, и до кратера Мистерии с его таинственной скалой, слегка напоминавшей разбившуюся ракету.

Предполагалось также занести в каталог открытий и присоединить к достоянию Китая все найденные естественные и искусственные объекты, встретившиеся на пути исследователей. Кроме того, в случае особо ценных находок намечалась постройка новой китайской базы.

С затратами руководство Китайского национального космического управления считаться не намеревалось. Китай к этому времени уверенно занимал второе место в мире по экономическому потенциалу и не боялся никаких кризисов.

Экспедиция «Шэнь Чжоу-20» готовилась по стандартной схеме, не зависящей от работы лунной станции. Стартово-разгонный модуль «Чанжен-20» нёс в своём чреве лунную посадочную капсулу SZ-20, сам же на время исследований должен был пристыковаться к станции «Тянгун», что существенно упрощало и удешевляло экспедицию.

Двадцать четвёртого июля капсула SZ-20, представлявшая собой копию космического самолёта «Спейсшип», в два часа десять минут по Гринвичу выбралась из грузового отсека «Шэнь Чжоу» и начала управляемый спуск. Через час тридцать семь минут она благополучно опустилась на ровный, как стол, участок Моря Кризисов, с виду не готовивший никаких неприятных сюрпризов.

Здесь уместно отвлечь читателя от созерцания посадки для объяснения вышесказанного.

Передовая научная китайская мысль всегда прекрасно чувствовала себя в кильватере научно-технического прогресса. Достаточно сказать, что китайские инженеры на основе лицензионных материалов легко переделали не один современный самолёт, в том числе российский, а также морские суда и многие широкоизвестные механизмы и компьютерные системы, объявив результаты своих работ «китай-

ским ноу-хау». То, что не удавалось открыть или создать самим, китайцы успешно воровали у других. Так, прототипом их «Волшебной лодки» – космического корабля «Шэнь Чжоу» являлся российский «Буран», слетавший в космос лишь один раз в ноябре тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года, а прототипом лунного модуля SZ-20 был космический самолёт «Спейсшип», созданный частной коммерческой фирмой «Scaled Composites» в две тысячи четвёртом году.

Впрочем, изощрённая китайская политика легко объясняла эти парадоксы, а руководители страны упорно называли созданные китайцами аппараты своими. Это не мешало им добиваться поставленных целей и объявлять всю Солнечную систему собственностью Китая.

Экспедиция «Шэнь Чжоу» казалась авантюрой только не привыкшим рисковать такими ресурсами научным кругам других стран. Для китайцев это было обычным рядовым делом. Запланировали – и полетели.

В три часа сорок семь минут по времени Гринвича капсула SZ-20 опустилась на поверхность Моря Кризисов, пробежав около двухсот метров по серому пухлому слою реголита.

Однако бассейн Моря, возникший миллиарды лет назад при заполнении астероидного кратера лавой, не зря называли Морем Кораблекрушений. Здесь уже разбивались земные аппараты: российская лунная станция «Луна-15» – в тысяча девятьсот семьдесят пятом году, японский «Банзай» в две

тысячи одиннадцатом, американский «Рейнджер» в две тысячи тринадцатом. Хотя, может быть, именно эти крушения и притягивали взоры астрономов и будили воображение землян, допуская существование на Луне селенитской цивилизации.

Ещё во времена посадок на Луну американских кораблей астронавты с бортов «Аполлона-15» и «Аполлона-24» видели в Море Кризисов «город», накрытый прозрачным куполом. На сделанных ими фотографиях отчетливо просматривались башни, виадуки и лестницы, уходящие в глубь кратеров.

Кроме того, в библиотеке Хьюстонского комплекса НАСА нашлись фотографии², на которых были ясно видны пирамиды, какие-то механизмы, названные впоследствии Иксдронами, и гигантские трубопроводы. Видели астронавты и «летающие тарелки», якобы стартующие с поверхности Луны либо ныряющие в кратеры.

Будоражили воображение обывателей и заявления астрономов, зафиксировавших насыпь в заливе Синус Медиа, которая получила название Надкрылье, а также гигантскую гору одиннадцатикилометровой высоты, превосходящую по высоте самые высокие горы Земли. Гора была сложена из нескольких слоёв и напоминала искусственное сооружение.

Смущало учёных ещё одно обстоятельство: некоторые

² Сенсационные фотографии, сделанные с орбит «Аполлонов», были опубликованы исследователем НАСА Ричардом Хоуглендом.

кратеры были освещены... изнутри! По мнению британских исследователей Луны, свет пробивался сквозь прозрачный материал, которым были накрыты эти кратеры.

Конечно, когда началась вторая волна экспансивного завоевания Луны (которую, кстати, породили амбициозные планы китайцев), автоматические станции, российские, японские и китайские, а впоследствии и американские, первым делом были нацелены на изучение куполов над кратерами, которых к две тысячи четырнадцатому году насчитывалось уже более двухсот, «прямоугольных» сооружений в Море Кризисов и треугольных – на дне кратера Коперник, а также замеченных следов обитания Икс-дронов, напоминающих земляных червей длиной от полутора до четырёх с половиной километров.

И... надежды землян встретить селенитов, как это когда-то сделали герои романа Уэллса «Первые люди на Луне», не сбылись. Более современные средства наблюдения не увидели ничего из тех прекрасных картин, которые рисовали себе исследователи, изучавшие старые фотоснимки лунной поверхности, и астрономы, часто выдающие желаемое за действительное.

Ни одного здания прямоугольных или иных форм!

Ни одного купола, под которыми якобы прятались целые лунные города!

Ни одной башни, ни одного трубопровода или механизма!

Дыры в поверхности земного спутника находили: там, где

метеориты проламывали своды пещер и лавовых пузырей. Но эти дыры не выглядели искусственными. Они приводили космонавтов в царство подлунных пустот, образованных остывающей магмой миллионы лет назад, во времена формирования лунной поверхности.

Правда, кое-какие находки удивляли, в том числе – остатки прорытых недавно Икс-дронами каналов, но самих Икс-дронов не было и в помине. Они внезапно исчезли. Как пропали куда-то и «летающие тарелки», и кратеры с «крышками», и зигзагообразные конструкции, найденные астрономами в кратере Пифагора.

Объяснить отсутствие явно искусственных объектов, о которых говорили все, кому не лень, земная наука не могла, зато эзотерики и околонучные СМИ тут же разработали с десяток гипотез, уводящих людей от истины ещё дальше, и освоение Луны пошло по прежнему сценарию.

Китайцы заявили о поиске разумных селенитов или остатков их деятельности раньше всех, для чего и послали первую такую экспедицию к Морю Кризисов как к «базе инопланетных разумных существ». Знали бы они, что скрывало в своих глубинах Море и горы вокруг на самом деле.

Капсула SZ-20 – натуральный самолёт с короткими крыльшками (не играющими никакой роли в вакууме, при полном отсутствии воздуха) – начала замедлять бег, оставляя в миллионолетней лунной пыли чёткий протекторный след. Остановилась в километре от небольшого кратера с торча-

щей над ним скалой.

Все, кто наблюдал за посадкой модуля через видеосистемы «Шэнь Чжоу» и «Тянгун», а также двух спутников, проплывающих над Морем Кризисов, – китайцы в далёком Центре Управления на Земле, космонавты обеих лунных станций, российской и европейской, – захлопали в ладоши. Что бы там ни говорили, это был успех китайской космонавтики, да и современной науки в целом.

И в этот момент модуль SZ-20 начал погружаться в лунный грунт.

Сначала никто не понял, что происходит. Подумали, что корабль просто спустился в незаметную сверху низинку.

SZ-20 продолжал на глазах уходить вниз, и когда взо-рам наблюдателей открылся расширяющийся провал, в груди многих десятков человек родился крик!

Это была катастрофа!

Катастрофа, рождённая совпадением случайных событий, явлением рока, запланированная кем-то свыше.

Очевидно, в этом месте просто находилась подземная, вернее, подлунная пустота, пещера или накрытый плёнкой лавы пузырь. Китайский корабль продавил купол пузыря и ухнул вниз, скрывшись из глаз ошеломлённых наблюдателей. Едва ли тайконавты, не предвидевшие такой исход экспедиции, успели понять, что случилось.

Однако катастрофа породила ту волну реакции специалистов, которая стала называться ЛЧС – ликвидацией чрезвычай-

чайной ситуации.

Первыми на эту беду отреагировали русские космонавты, работавшие на своей станции в Океане Бурь; «Луна-Глоб» располагалась западнее кратеров Рейнер и Марий, там, где когда-то совершила мягкую посадку на Луну советская станция «Луна-9». Они мгновенно запросили разрешение руководства российского ЦУПа направить к месту катастрофы спасательный модуль.

Ответ был получен через несколько минут: китайцы разрешения не дают, утверждают, что справятся сами.

– Они не успеют, – сказал начальник станции «Луна-Глоб» Игорь Мартьянов. – Мы можем стартовать через полчаса.

– Ждите, – ответил ему Козловский, начальник Роскосмоса, находившийся в Москве. – Ведём переговоры.

Он имел в виду контакты с Китайским национальным космическим управлением. Связь российского ЦУПа с другими родственными центрами космической отрасли поддерживалась постоянно.

Через несколько минут Козловский вызвал Мартьянова:
– Поднимайте «Русь».

В какой-то степени китайцам повезло: в данный момент на поверхности Луны возле российской станции находился знаменитый на весь мир межпланетный модуль «Русь», проходивший испытания перед полётом на Марс. Создавшаяся ситуация вполне отвечала параметрам испытаний, хотя та-

кой «удаче» никто, разумеется, не порадовался.

Пока космические службы, принадлежавшие другим странам, обрабатывали поступившую вводную, решали, что предпринять, и обменивались мнениями, «Русь» поднялась в космос и направилась на север, к Морю Кризисов, управляемая экипажем из трёх человек. Командовал полётом полковник Задирко Павел Сергеевич, сменивший на этом посту космонавта-испытателя Георгия Барамию, первым поднимающего «Русь» в космос.

От места старта в Океане Бурь до финиша над северным краем Моря Кризисов было около двух тысяч километров. «Русь» преодолела это расстояние за полтора часа.

Задирко был опытным космонавтом, да и первый пилот корабля Иван Злотник считался пилотом экстр-класса не зря. Модуль завис над кратером Мистерии с его обелиском в центре, так много давшим фантазиям астрономов, на высоте двадцати километров, поддерживая парение работой маневровых двигателей.

Уже было известно, что к месту трагедии выехала команда китайских «велосипедистов»-спасателей в составе четырёх человек, но им предстояло пересечь семьсот километров по неизведанным отрогам лунных хребтов и пыльных талассоидов, и в реальную отдачу этого поистине «великого китайского броска» никто не верил.

По-видимому, руководству российского ЦУПа удалось договориться с китайскими властями о предоставлении по-

мощи попавшему в беду кораблю, потому что начальник Роскосмоса напрямую запросил борт «Руси»:

– «Луна-два», как слышите?

– Слышу вас хорошо, – ответил Задирко.

– Что видите?

– Провал, длина около ста метров, ширина – почти двадцать. Такое впечатление, что китайский лунник продавил крышу подземных пустот и рухнул вниз.

– Можете что-нибудь сделать?

– Можем сесть рядом.

– Ни в коем случае, это опасно!

– Предлагаю десантировать на «ранце» Миху... бортинженера Михаила Астахова.

Козловский помолчал. Речь шла о запуске с борта «Руси» космонавта, имевшего ранцевый двигатель для работы в открытом космосе. На Луне им никто ещё не пользовался, но характеристики «ранца» позволяли ему перемещать массы, сравнимые с массой человека в скафандре, в условиях слабого лунного тяготения.

– Он один ничего не сделает. Да и встанет проблема, как забрать его обратно на борт.

– Мы хотя бы посмотрим, остался кто живой или нет. На «ранце» Миха... Астахов легко допрыгнет до модуля, и мы его поймем.

– На вашей высоте?

– Снизимся до предела, на пару километров.

– Горючего хватит?

– Так ведь мы висим на «плазме», – ухмыльнулся Задирко в роскошные усы – предмет шуток всех его знакомых, – хватит на двое суток непрерывной работы.

Возникла пауза. Видимо, начальник главной космической конторы России советовался с руководителем полётов в ЦУ-Пе и экспертами. Задирко ждал, поглядывая то на членов экипажа в соседних креслах, то на бортовые экраны.

Наконец, ожил динамик:

– Попробуйте обойтись без десантирования, Павел Сергеевич. Китайцы хоть и дали «добро» на спасательную операцию, но спешно запускают свой рабочий модуль на орбите, пристыкованный к их станции, и будут в вашем районе через пару часов.

– Может быть уже поздно.

– Таковы обстоятельства.

– Экипаж провалившегося «лунника» молчит?

– Тишина.

– Тогда мы пошли благословясь.

Задирко сжал пальцы в кулак, ткнул большим пальцем вниз, жестом определяя смысл дальнейших действий.

Пилот кивнул.

«Русь» начала опускаться к провалу в Море Кризисов.

– Запаковывайся, – сказал Задирко.

Миха, то есть Михаил Астахов, белобрысый и смешливый, всегда готовый прийти на помощь всем, кто в этом нуж-

дается, взял «под козырёк» и выбрался из кресла. Скафандр «Чибис-Л», имеющий ранцевый двигатель, находился в стыковочном отсеке, и операция переодевания требовала умения и времени – около четверти часа. Правда, в отличие от процедуры облачения в скафандр первых космических экспедиций, когда требовалась помощь экипажа, современный «Чибис» мог надеть сам космонавт.

Корабль опустился до высоты в один километр, ниже скал и возвышений хребта Ванслова, олицетворявшего береговой вал Моря Кризисов. Все системы модуля работали нормально, двигатели вели себя выше всяких похвал. И Задирко командовал:

– Выпуливайся!

Астахов вошёл в тамбур-переходник, похожий на блистающего металлом робота.

Внутренний люк закрылся, открылся внешний.

– Красивая башня, – сказал вдруг пилот.

– Где? – удивился командир.

– Палец на запад, левее дырки.

Задирко нашёл башню. Высокая скала, венчавшая излом гор Ванслова, действительно чем-то напоминала обелиск.

– Не отвлекайся.

Серебристая фигура бортинженера появилась в глубине бокового экрана рубки: модуль не имел иллюминаторов, в отличие от американских «Таурусов» и китайских «Чанже-нов», зато обладал совершенной системой астронавигации и

видеонаблюдения.

– Ни пуха, – привычно сказал Задирко.

– К чёрту!

– Главное – не суетись. Глянь одним глазом, что там за дыра, живы ли китайские коллеги, и назад.

– Не первый раз замужем, – фыркнул Астахов.

Серебристая фигурка окунулась в чернильную тень от скал, пропала из виду. Была видна только слабо светящаяся струйка плазмы из «ранца».

Задирко шевельнул рукой.

Понимавший его без слов пилот чуть повернул нос корабля, чтобы солнечные лучи освещали его сзади.

Скафандр бортинженера выплыл из тени, приблизился к провалу, в котором скрылся «лунник» китайцев. Заработала телекамера скафандра, вмонтированная в нагрудную кирасу.

В большом полусферическом экране кабины, создающем объёмный эффект, откололась часть изображения, сформировала свой объём. В нём раскрылся провал, по форме напоминающий лезвие ножа. Однако в его глубине стояла такая темень, что ничего нельзя было разглядеть.

– Что видишь? – не выдержал пилот.

– Ничего, – лаконично отозвался Астахов. – Надо спуститься туда.

Иван Злотник покосился на командира.

Задирко молчал. За успех спасательной операции отвечал он, и принимать решение было трудно.

– Спускайся. Но чуть что...

– Понял, командир.

Серебристая фигурка, опиравшаяся на реденький хвост плазменного огня, окунулась в провал.

В объёме передачи мелькнули каменные рёбра, углы, выпуклости, выхваченные из тьмы лучом фонаря. Блеснули какие-то искристые стены, словно обсыпанные жемчугом, и странные конструкции, напоминающие фермы. Луч ушёл вниз, его пятно пробежало по кавернам провала где-то на глубине сотни метров, отражаясь от необычных изломов правильной геометрической формы. Затем всю картинку передачи заштриховала сетка помех: бортинженер опустился глубже, и связь с ним прервалась.

– Не нравится мне эта дырка, – проворчал пилот.

– Мне тоже, – согласился Задирко. – Но выбираем условия испытаний не мы.

– А кто?

– Кто-то выше нас.

– Козловский?

– Над Козловским тоже есть регулировщики.

– Ты имеешь в виду премьеру? Или президента?

– Я имею в виду тех, кто рулит всем космосом.

Пилот с любопытством посмотрел на командира.

– Так то ж Господь Бог.

– Бога нет. А те, кто рулит, есть.

– Не понимаю, о ком ты.

– Я тоже в своё время не понимал, да нашлись люди, дали почитать кое-какую литературу.

– Дашь мне?

– Да. – Задирко глянул на часы, позвал Астахова: – Миша, как слышишь?

Ответом ему был шорох динамиков. Бортинженер либо не слышал его, либо они не слышали ответа бортинженера. Слои лунных пород вполне могли гасить радиоволны передатчика.

– Спустимся пониже?

– Как скажешь. Наша птичка работает превосходно, можно рискнуть.

– Тогда падаем на полкилометра, повисим над дырой и посмотрим, что там происходит.

Корабль послушно пошёл вниз, со стороны и вправду напоминая большую белоснежную птицу с хищными обводами. На панелях индикации слева от пилота и справа от командира перемигнулись огни. В рубке царила шелестящая тишина, поэтому голос бортового компьютера, которого космонавты называли Маэстро, прозвучал неожиданно громко:

– Нештатный расход топлива манёвра. Рекомендую перейти на главный осевой ресурс.

– Поднимем пыль внизу, – сказал Злотник, – ничего не увидим.

– Прошу уточнить задачу.

– Поддерживать заданную высоту в режиме малых танген-

циальных ускорений.

– Принял.

«Русь» остановилась на высоте пятисот метров над бугристой поверхностью «морского» дна. Провал стал виден отчётливей, но в его глубине по-прежнему царил тьма, изредка прорезаемая лучом фонаря десантника: в безвоздушном пространстве свет не был виден, но в провале клубилась пыль, и луч проявлялся кисейной полоской, освещая ярко вспыхивающие края пролома.

– Не похоже на лавовый пузырь, – заметил пилот. – Видишь, какие ровные края?

Задирко согласился с Иваном. Геометрия провала напоминала некую систему, в которой угадывались искусственные формы. Похоже было, что китайский корабль случайно сел на прозрачное перекрытие какого-то зала, и оно не выдержало его веса.

Над краем обрыва всплыла серебристая капля.

– Командир, там такое! – раздался взбудораженный голос бортинженера. – Тебе бы посмотреть!

– Что с китайцами?

– Глухо! Модуль всмятку, полная тишина. Он свалился на какой-то острый шпиль и развалился надвое. Живых, скорее всего, никого. Во всяком случае никто не шевелится и не зовёт на помощь. Туда надо спасателей с резаками. Но ты бы видел, что прячется внизу!

– Что?

– Тоннели, стены, какие-то конструкции... жизнь, понимаешь?!

– Что значит – жизнь? Ты кого-нибудь видел?

– Нет.

– О какой жизни речь? Возвращайся.

– Может, сядем поближе, посмотрим? Это же настоящая сенсация! Честное слово – голова кругом!

– Дадут разрешение – сядем. Поднимайся к нам, будем ловить.

Серебристая фигурка начала приближаться к кораблю, опираясь на хвостик прозрачно-пылевого пламени.

Кто-то посмотрел на космонавтов, мрачно и с угрозой.

Пилот замер, поднял глаза на потолок кабины.

Застыл и Задирко, чувствуя, как потеет спина.

Они переглянулись.

– Дьявол! – пробормотал Иван. – Ты чуешь?

– Уходим отсюда!

– А Миха?

– Ловим Миху и смываемся!

Бортинженер сориентировался, быстро добрался до зависшего над краем провала корабля.

– Открывайте калиточку.

– Помоги ему.

Пилот молча выбрался из кресла, закрыл забрало шлема, проверил герметизацию и скрылся в люке, удобном для прохода людей в любых скафандрах. Костюмы, которые носи-

ли космонавты во время полётов, позволяли им работать в безвоздушном пространстве два часа, поэтому для кратковременной операции в космосе переодеться было необязательно.

Пшикнула воздушная отсечка.

Прошла минута, другая.

Серебристая фигурка Астахова исчезла из поля зрения бортовых телекамер, возникла в зрачке камеры над люком.

– Нагрузка на двигатели превышает штатную, – доложил Маэстро. – Рекомендую сменить режим.

– Ещё пару минут, и перейдём на большую тягу, – пообещал Задирко.

Корабль вздрогнул.

– Осторожнее там, – проворчал командир. – Возитесь как слоны в посудной лавке.

– Я на борту, – раздался голос запыхавшегося бортинженера. – Закрываем люк.

Задирко хотел пошутить: хорошо, что здесь нет гаишников, – но снова всей спиной поймал неприятный, угрожающий взгляд и сглотнул слова.

– Внимание, форс-мажор! Уходим на полной!

В данный момент компьютер поддерживал полуавтоматический режим: пилот управлял кораблём при помощи ручного комплекса, но сопутствующие установки и десятки корректирующих равновесие корабля импульсов и программ жизнеобеспечения реализовывал сам Маэстро. Тем не менее

приказ командира был главнее, и компьютер откликнулся на него без промедления – включил основной разгонный двигатель модуля.

«Русь» шатко пошла прочь от провала, набирая скорость.

На тела членов экипажа упала чугунная плита ускорения, хотя и не столь массивная, как при старте с Земли. По инструкции, бортинженер и пилот должны были в этот момент лечь на пол, чтобы хоть чуть-чуть ослабить пресс ускорения, но вместо этого оба ввалились в рубку управления.

– Что случилось, командир? – сдавленным голос спросил Злотник.

Задирко переключил систему обзора на кормовые телекамеры.

На экране появился удаляющийся провал, совсем безобидный с большого расстояния, а из него вдруг выскочило светлое пятнышко, устремившееся вслед за кораблём.

– Что это за воздушный шарик? – просипел бортинженер.

– НЛО, – хмыкнул пилот, забираясь в кресло и облегчённо вздыхая.

– Форсаж! – скомандовал Задирко, обливаясь холодным потом. – «Земля-первая», вызывает «Луна-вторая»...

2

Музыка стихла, и потрясённые слушатели, просидев несколько секунд в безмолвии, обрушили на зал консерватории волну аплодисментов.

Дирижёр – все знали его под псевдонимом Фирдоуси, хотя денежное вознаграждение он получал как Фирдоуз Адольфович Калкаманов, – повернулся к залу, поклонился.

Зал неистовствовал.

Фирдоуси чувствовал приток энергии, грелся в лучах славы и поклонения и мог бы стоять так долго, вкушая удовольствие от проявляемых человеческих эмоций, но в ухе проклюнулась иголочка лонг-рации, и он пошёл за кулисы, включая систему связи.

«Владыка, у нас проблема».

Генеральный Поводырь человечества узнал пси-голос Макдональдса, своего помощника, отвечающего за безопасность лунной базы.

«Говорите, я слушаю».

«Китайский „лунник“ провалился в древнюю шахту мега-роида недалеко от нашей базы».

Перехватило дыхание, хотя Калкаманов волновался редко. Точнее – почти никогда.

«Как недалеко?»

«Чуть меньше километра. Рядом – смотровая башня».

«Как это случилось?»

«Никто не рассчитывал, что эти идиоты-тайконавты выберут для посадки площадку прямо на куполе шахты мега-роида».

«Они видели шахту?»

«Они разбились. Но туда прилетели русские на своём марсианском модуле, спасти друзей, так сказать. – Макдональдс хрюкнул. – Нашли друзей, кретины!»

«Короче».

«Русские летают прямо над провалом, могут увидеть шахту».

Калкаманов на мгновение потерял дар речи. Выражение вполне подходило под его чувства, хотя в настоящий момент разговор вёлся в мысленном диапазоне.

«Вы с ума сошли?!»

«Я давно предлагал перенести нашу базу на Венеру или на Марс».

«Немедленно уничтожьте шахту!»

«Но русские уже там...»

«К чёрту русских и кто бы с ними ни был! Надо закрыть дыру раз и навсегда! Взорвите шахту, да так, чтобы от неё и древних форм не осталось ни атома!»

«Там совсем рядом наш зал конференций, смотровая башня...»

«Ликвидируйте шахту и начинайте эвакуацию, после чего мы взорвём базу и закупорим вход в наш лунный терминал».

Кто-то подошёл к уважаемому дирижёру, задержавшемуся за кулисами.

– Господин Калкаманов, простите...

Генеральный Поводырь повернулся к низкорослому пухлому человечку, директору Брюссельской консерватории.

– Отстаньте!

Толстяк опешил, вздёрнул редкие брови, побагровел, прижал к груди ладошки.

– Извините, я просто хотел выразить своё восхищение.

Лицо Калкаманова смягчилось, зеленоватый оттенок на нём исчез.

– Это я не вам. – Он показал на усик мобильного айкома за ухом. – Подводят даже компаньоны, знаете ли, с которыми общаюсь много лет. Я договорю и побеседую с вами.

Директор консерватории расцвёл, снова прижал ладошки к груди, щёки его затряслись.

– О, разумеется, я понимаю. Хотим с супругой пригласить вас на ужин, если не возражаете.

– Подумаю. – Калкаманов отвернулся, зашагал со сцены, не обращая внимания на гул аплодисментов; ему было не до повторного выхода.

«Поднимите по тревоге чистильщиков».

«Уже», – ответил Макдональдс, который в этот момент находился в Вашингтоне, где занимал пост главы администрации президента США.

«И попытайтесь остановить русских».

«Как?»

«Поднимите все свои связи в НАСА... впрочем, я подключу к этому делу Охотника. Через пять минут встречаемся на базе».

Разговор прекратился. В исключительных обстоятельствах слово Генерального Поводыря было решающим, и никто не мог ответить ему отказом.

Наспех передав бразды правления оркестром заместителю, Калкаманов сел в чёрный «Хорьх» классических форм с тонированными стёклами и флажком ООН на тупом решётчатом бампере, на котором ездил по Европе, закрыл перегородку между задним пассажирским сиденьем и водительским креслом, сказал в микрофон:

– В Дисней-парк, как обычно.

Водитель, давно привыкший к причудам хозяина, хотя и не знавший, кого возит на самом деле, молча повёл машину на окраину Брюсселя, в оздоровительно-игровую зону.

Калкаманов расслабился, приобретая плоть настоящего рептилоида: он был высоким, гибким, зеленокожим доликоцефалом с удлинёнными глазами и массивной челюстью. Вышелкнул из центрального тубуса кабины панель управления В-терминалом, вдавил загоревшееся жёлтое окошечко пуска большим пальцем.

Для Поводырей из Галактической Ассоциации существовала система преодоления космических пространств, не связанная с использованием транспортных кораблей. Система

называлась В-терминалом, опиралась на возможности цивилизаций I типа, использующих «суперструнные» технологии.

Фирдоуси как Генеральный Поводырь пользовался полным В-узлом, то есть все его машины, самолёты и места отдыха и проживания были оборудованы В-порталами, в то время как остальные Поводыри имели линейные аппараты, замаскированные под вполне обиходные вещи: ремни, кроссовки, костюмы и шляпы.

Лимузин ещё не доехал до парка, а его владелец был уже далеко от этого места, от Брюсселя и вообще от Земли. Он был на Луне.

Приёмная капсула В-портала выпустила его в коридор лунной базы, где шефа ждал Макдональдс, маскер которого скрывал истинную сущность владельца под обликом толстяка-негра.

Они молча сели в кабинку гравикара и добрались до операционного зала базы, напоминающего центры технологического управления на Земле. Здесь работали операторы связи и контроля, наблюдавшие за всеми государствами Земли, и насчитывалось их больше трёхсот, каждый – со своим терминалом и визуальным персональным компьютером.

Рептилоид, кем по сути являлся Генеральный Поводырь человечества, подошёл к главному видеообъёму, на который сводились все линии связи. В данный момент он показывал часть Моря Кризисов с высоты смотровой башни и шахту

мегароида изнутри.

Ещё один визуор показывал летящий над Луной космический корабль, напоминающий красивую белую птицу.

– Русские, – сказал вслух Макдональдс на галактическом эсперанто. – Мы их ведём.

– Они нас видят?

– Скорее нет, чем да. Но мы можем их сбить в любой момент.

– И получить такую реакцию, что придётся убираться из их Солнечной системы, – сухо прокомментировал предложение Калкаманов по-английски. – Кто у нас работает на русской станции?

– Никого, – виновато сморщился Макдональдс.

– Это отвратительно!

– Но мы не смогли запрограммировать ни одного...

– Я здесь, – появился за спиной Макдональдса высокий загорелый человек в камуфляжном костюме инспектора ООН по надзору за природными сообществами. Это был Охотник.

– Плохо, что не смогли, – сказал Калкаманов, поворачиваясь к Охотнику. – Проблема понятна?

– Так точно, мне сообщили. Что надо сделать?

– Превратить сообщение русских космонавтов в сказку, в иллюзию, в фантазии изворотливого ума.

– Раз плюнуть, – усмехнулся Охотник. – Все западные и почти все русские СМИ в наших руках.

– Я бы всё-таки хотел объяснить... – нервно начал Мак-

дональдс.

– Не стоит, – буркнул Калкаманов.

Макдональдс изменился в лице, но не от проявления каких-либо чувств: просто маскер, превращавший его из ксенозавра в человека, дал сбой.

– Простите, Владыка.

– Я всё понял, – перебил его Охотник. – Хотя, на мой взгляд, проще было бы сбить этот русский модуль.

– Здесь командую я!

– Разумеется, Владыка, – вытянулся Охотник, бросая подбородок на грудь (хотя на самом деле подбородка у него не было).

– Работайте! – Калкаманов отвернулся. – Взрывайте шахту.

– Мы не успели вынести все ценные... – замаялся Макдональдс.

– Взрывайте! Не хватало, чтобы дырой заинтересовались американцы, европейцы и прочие умники. Кстати, почему русские не стали осматривать шахту, а бросились наутёк?

Поводыри переглянулись.

– Может быть, испугались? – неуверенно предположил Макдональдс.

– Этих ничем не испугаешь.

– В таком случае у них на борту пси-нюхач, – оскалился Охотник.

– Вот и я думаю. Они вполне могли просечь, что здесь

расположена наша база.

– Тем более их надо ликвидировать. Спишут всё на атаку НЛО.

– Не хотелось бы начинать шум вблизи базы.

– Собыём их при посадке.

Калкаманов достал флягу с горячим тоником (из горлышка взвился в воздух зеленоватый парок), сделал крупный глоток, разглядывая экран.

Русский корабль поднялся над Луной на триста километров и готовился нырнуть к своей станции «Луна-Глоб» в Океане Бурь.

– Такое впечатление, что они нас видят, – пробормотал он. – Не нравится мне это. Похоже, пора менять параметры нашего присутствия в Системе.

– Сбивать? – сунулся к нему Охотник.

Главный Поводырь принял вид человека. Маскер он не включал, но его гипнотическое давление действовало и на коллег.

– Сбивайте!

Русский модуль, нёсший на борту гордое имя «Русь», скачком приблизился: это начал маневр сопровождавший его сторожевик базы.

Калкаманов даже подумал с мимолётным сожалением: красивая форма у обычного самолёта.

И в этот момент с поверхности Луны одновременно, из трёх точек сразу – севернее кратера Рейнер и западнее кра-

тера Марий, вырвались огненные стрелочки, стремительно понеслись к русскому кораблю. Затем обогнули его и... помчались к сторожевику!

Компьютер, управлявший аппаратом, рванул сторожевик вниз, вверх, мгновенно меняя траекторию полёта.

Огненные стрелочки почти с такой же скоростью развернулись за ним.

– Ракеты?! – ошеломлённо проговорил Макдональдс. – Русские нас атакуют?!

– Интересно, когда они успели установить здесь ЗРК? – хмыкнул Охотник, с интересом наблюдая за поединком зенитных ракет и сторожевика, маскирующегося под НЛО.

Поединок длился недолго.

Сторожевик легко ушёл от первой и второй ракет, поднырнул под третью, догнал русский корабль, уже заходивший на посадку возле станции в аварийном режиме.

– Таран! – сжал кулаки Макдональдс.

Однако сторожевик не успел сбить модуль. В глубине открывшегося рядом с куполом станции колодца сверкнул пронзительный синий луч, и изображение, передаваемое с видеокамер сторожевика, пропало.

– Лазер! – щёлкнул языком Охотник.

– Сбили! – выдохнул Макдональдс.

Калкаманов сделал ещё один крупный глоток тоника.

– Взрывайте шахту! Немедленно переносите базу на Марс! А лучше подальше, на Меркурий или на спутники

Юпитера. Выполняйте!

Макдональдс отдал мысленный приказ.

Стал виден провал в устье шахты мегароида. Съёмка велась со спутника-невидимки, зависшего над Морем Кризисов. Точно такие же спутники кружили и над Землёй, изредка пополняя список «новоявленных НЛО».

В последнее время земная техника наблюдения за пространством шагнула далеко вперёд, поэтому Поводырям приходилось прилагать больше усилий для сокрытия того факта, что жизнь на Земле контролируется извне.

– К Морю летит американский «Таурус», – доложил один из операторов зала.

– Зашевелились и японцы, – заметил Охотник, получавший информацию по своему личному каналу.

Экран показал блестящую каплю, скользящую над Луной.

– Китайцы, – проскрежетал Макдональдс. – Спасатели.

Будут здесь через полчаса.

– Внимание, отсчёт! – родился под сводами зала гулкий голос компьютера.

На цифре «ноль» равнина под спутником беззвучно встала дыбом. В небо Луны ввинтился расширяющийся столб дыма и пыли, подсвеченный снизу алыми проблесками огня.

Пол под ногами Поводырей вздрогнул, стены зала задрожали, из конца в конец прокатился басовитый гул. Затем дрожь взрыва ушла в стены, и в зале стало тихо.

Дым и пыль в месте взрыва начали рассеиваться через со-

рок квантонов, что соответствовало одному часу пятнадцати минутам земного времени, туча стала опадать.

Но Калкаманова уже не было в зале Ассоциации. Отдав приказ срочно эвакуировать лунную базу, он убыл на Землю.

Взорам операторов, бесстрастно взирающих на ситуационный экран, предстала неглубокая, но широкая – диаметром больше полутора километров – воронка с плоским дном, там, где раньше было видно устье шахты древнего подлунного поселения. Воронка напоминала метеоритный кратер, что, впрочем, было неудивительно. Взрыв был рассчитан таким образом, чтобы ни у кого не возникло сомнений: сюда только что свалился небольшой астероид.

3

Звание «Город воинской славы» Псков получил в декабре две тысячи девятого года. Но и до событий Великой Отечественной войны он был известен как город-крепость, не раз останавливающий полчища завоевателей. В общем счёте Псков пережил сто тридцать войн, набегов и нашествий. То есть каждый третий год его существования был для псковичан военным. Да и отстраивать город заново им приходилось бесщётное количество раз. К примеру, за время гитлеровской оккупации жилой фонд Пскова был разрушен на девяносто четыре процента. И тем не менее город сумел сохранить свой неповторимый облик.

По Псковской летописи первое городище появилось у слияния рек Великой и Псковы в восемьсот шестьдесят втором году. Первыми его жителями стали потомки славян-кривичей, хотя принимало оно и скандинавов, и литовцев, и ливонцев.

Близость Балтийского моря и стала причиной многочисленных стычек славян с варягами, стремившимися наладить беспрепятственный подход к Балтике «из славян в греки». Название города – и реки – Псков произошло от древнерусского «плесь» – плеск, хотя существуют и другие толкования этого названия³.

³ От эстонского *piskwa* – смолистая вода либо от слова «песок».

Уже к шестнадцатому веку Псков становится известен в Европе не только как потрясающе красивое место с великолепным архитектурным ансамблем, но и как экономически развитый город. В те времена на Руси он считался третьим по значению городом после Москвы и Новгорода.

Каменное зодчество древнего Пскова сохранилось и по сей день.

Здесь гордо стоят крепостные стены Псковской крепости, растянувшиеся на девять километров, с неплохо сохранившимися башнями и воротами⁴, стены Крома – Псковского кремля, церкви и монастыри, в том числе красивейший Морожский монастырь, собор Иоанна Предтечи и многие другие.

Роман переехал сюда почти сразу после событий в Греции, где за ним устроили охоту приспешники Арчибальда Феллера, ледяноглазого мага-экстрасенса на службе ЦРУ.

Его поселили на улице Некрасова, в новом доме недалеко от Поганкиных палат – знаменитого памятника старины семнадцатого века.

Кроме этих палат на улице было ещё немало памятников архитектуры прошлых столетий, от Двора Подзноевых до Псковского музея-заповедника, и Роман не раз любовался ими, прогуливаясь по вечерам от дома до кафе «У Некрасова» или до стоянки автобуса: Псков был одним из редких городов Центральной России, лишённых электротранспор-

⁴ Когда-то башен был 37, а ворот 14.

та. Единственным средством доставки пассажиров был здесь городской автобус.

Из «конторы» Волков ушёл. Было решено с Афанасием Вьюгиным и его начальником, что экстрасенс будет подключаться к наиболее важным делам ФСБ, но только в том случае, если сам определит необходимость этого шага. По сути, Волков стал резервистом Отдела изучения психофизических феноменов, понимая, что другого варианта нет.

В Москве оставаться ему было нельзя. Для тех, кто стоял за спиной Арчибальда, Роман Волков умер. Теперь его звали Романом Шмелёвым, и работал он частным врачом-целителем, специализирующимся на излечении постпсихических синдромов. Для этого спецы Афанасия даже сделали ему табличку на дверь и напечатали в газете «Оракул» объявление о практике «древнерусского лажения» психических больных «потомком ведунов Шмелёвых».

Бывало, что он и лечил кого-то, из тех, кого присылал Олег Харитонович, но на самом деле он учился.

Во-первых, постигал азы «ведоспаса» – интуитивной системы боя, чтобы уметь защищаться не только на биоэнергетическом уровне, но и на физическом, где преобладали «низкие», но мощные энергетические вызовы.

Во-вторых, изучал приёмы ФАГа – форсированного альфа-гипноза, раскладывая по полочкам то, что уже умел делать, не зная при этом терминологии.

Встряска, полученная в Греции, на полуострове Пелопон-

нес, едва не стоившая жизни ему и жене, заставила Романа пересмотреть свои целеустановки и внимательнее отнестись к информации, которую предоставил ему Олег Харитонович Малахов.

Система воздействия на человечество существовала, кто бы что на этот счёт ни говорил. И пусть ею управляли, может быть, не «зелёные человечки» и не кошмарные иноземные создания, ящеры и рептилии, а кто-то посимпатичней (и оттого страшней), сути это не меняло: деятельность людей на Земле контролировалась! Неведомые космические «пастухи» пасли человеческое «стадо» и планировали захватить контроль н а д к а ж д ы м аспектом человеческого бытия на планете. Именно для этой цели и создавались супергосударства вроде Европейского и Африканского союзов, Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС) и Зоны свободной торговли Америка (ЗСТА). Шла невидимая глазу непосвящённого человека подгонка мира под базовую концепцию будущей абсолютной диктатуры – Глобальной Системы Управления человечеством (ГСУЧ), при которой меньшинство имеет власть над большинством.

Разнообразие – кошмар для диктатора, потому что при этом диктатор не может удержать под контролем все этапы принятия решений. Единообразие и централизация необходимы не только фашизму, но и любому другому виду власти. Демократии – тем более! Поэтому Роман и пришёл в «Триэн», как называли эту организацию её создатели, взяв аббре-

виатуру слов «Никого над нами», внезапно осознав масштабы деятельности «пастухов».

– Благодарим, что ты с нами, – сказал ему Малахов, когда после всех событий в Греции Роман сам позвонил координатору «Триэн». – Тебе придётся многое узнать и многому научиться. Всё происшедшее с тобой до этого – всего лишь испытание, которое ты прошёл почти успешно.

– Почему почти? – пробормотал Роман.

– Потому что сделать это можно было с меньшими затратами психических и физических сил. Уясни прежде всего главное: с тем низким уровнем энергии, который предлагает нам коррумпированный социум, бодаться не надо. Научись подниматься над ним. Но чтобы чувствовать себя уверенно на бытийном уровне, пересмотри своё отношение к физической форме.

– Я делаю зарядку по утрам...

Олег Харитонович улыбнулся.

– Зарядка – это хорошо. Не каждый из молодых имеет для выполнения простых упражнений волю. Возможно, у тебя получится и кое-что посложней.

– Я готов, – выпрямился Роман. – Что вы имеете в виду?

– Белая раса вымирает. Истинно людей вытесняют гибриды рептилоидов и других пришельцев. По нашим подсчётам, настоящих хомо – не больше полумиллиарда, остальные – рептометисы. Они и хотят сбросить потомков богов с арены жизни на Земле.

– Почему они не применяют силу, раз летают в космос и свободно обмениваются информацией?

– Попробовали бы. Есть подозрения, что у них имеются скрытые от нас противники-гуманоиды, которые тоже следят за человечеством и не дают рептилоидам открыто уничтожать людей.

С этого момента и началась новая полоса в жизни Романа, полоса тренировок и перемен, не всегда, к сожалению, позитивных и приятных.

Даниэла всё-таки ушла, не выдержав испытаний.

Роману казалось, что, наоборот, после пережитого вместе она поймёт его чаяния и станет помощником и соратником, способным утешить и поддержать. Но не случилось. Нагрузка для Даниэлы, слишком мягкой и уступчивой, оказалась непомерной, она не смогла преодолеть страх постоянного ожидания плохих вестей. А он не смог убедить её, успокоить и зажечь высокой целью служения Отечеству. Перспектива «военного положения» Даниэлу не радовала. Хотя и сам Роман не сильно желал войны с кем бы то ни было. Просто судьба распорядилась таким образом.

Нельзя сказать, что он не переживал. Переживал, да ещё как! Места себе не находил, порывался звонить по пять раз на дню и даже ездил к ней в Рязань. Но все звонки и встречи кончились ничем: Даниэла всё понимала, однако возвращаться не хотела.

Тогда и Роман смирился со своим положением, осознав,

что необходимо как-то пережить этот холодный период жизни, заставляющий чувствовать себя неудобно, а потом попытаться что-то изменить.

В Псков же он согласился переехать не в последнюю очередь из-за того, что там жили дальние родственники по маминой линии: дед Митяй – Дмитрий Михайлович Чулков и Саперавины – тётя Шура и дядя Коля. Для них была приготовлена легенда: Роман пишет книгу, потому и переехал из столицы в более спокойное, наполненное старинными запахами и воспоминаниями место. Разумеется, о смене фамилии и о «гибели» родственника они ничего не знали.

Учился Роман «ведоспасу» каждый день, по два-три часа кряду, наведываясь домой к Владимиру Прявичу, учителю интуитивной системы, ещё достаточно молодому сотруднику «Триэн», никакого отношения не имевшему к инструкторам боевых искусств спецподразделений. Владимиру исполнилось сорок четыре года и откликался он на простое имя Воха. Чем ещё занимался Воха в структуре «Триэн», Роман не знал, да и не стремился узнать. Для него главным было мастерство наставника, а экстрасенсом Воха был сильным, не раз демонстрируя свои возможности. Во всяком случае он мог пройти мимо любого охранника в любое заведение так, что тот его просто не замечал.

Вспоминал Роман и детали схватки в Греции с командой Арчибальда.

Если бы не помощь Ылтыына Юри, Олега Харитоновича

ча и его агентов, а также своевременное появление группы Вьюгина, всё закончилось бы печально. Однако комбинация, разработанная стратегами «Триэн», удалась, Роман смог включиться в пси-схватку, используя энергетическую подпитку «своих», и оператор «тёмного» эгрегора Феллер, получавший поддержку масонских лож Америки и Европы, опиравшийся на мощное пси-поле американской Ассоциации экстрасенсов «ИСРАЭЛ», проиграл.

Мало того, его удалось перекодировать, убедить в гибели Романа Волкова и заложить в его психику программу, которая должна была сработать при произнесении словесного ключа. После этого Арчибальда отпустили. Он был ещё нужен «Триэн» как спрятанный в рукаве туз.

Двадцать четвёртого июля Роман привычно позавтракал (готовил он сам, не ленился) и направился к автобусной остановке, собираясь ехать к тренеру, который жил на другом конце города.

Сначала это казалось экзотикой – отсутствие троллейбусов и трамваев, потом Роман привык. Свою машину пришлось оставить в Москве, согласно «легенде» о гибели, поэтому какое-то время Роман ощущал дискомфорт, оказавшись в неродном городе без средств передвижения. Афанасий предложил ему отечественную «Клюкву», как называли гибрид «Лады» и «Рено», от щедрот «конторы», но Роман отказался. Во-первых, не хотелось быть зависимым матери-

ально, а тем более от ФСБ. Во-вторых, отечественному автопрому он не доверял. К тому же разъезжать по Пскову особенно было некуда. Работал он дома, как целитель, с Олегом Харитоновичем тоже встречался дома. Оставалось только добираться до Вохиного «поместья» (жил он в частном секторе Пскова, на берегу реки Великой) – сорок минут на автобусе, да прогуливаться пешком до местного психоневрологического центра, где он изучал азы, а потом и более продвинутые практики альфа-гипноза под руководством доктора медицинских наук Играева Геннадия Евгеньевича, одного из руководителей «Триэн».

Народу на остановке было немного: двое мужчин, помоложе и постарше, три женщины разного возраста, два школьника, девочка с матерью и седой, с виду восьмидесятилетний старик. Часы показывали половину десятого утра, большинство жителей города уже работало. Улицы Пскова заполнили приезжие и те, кто никуда не спешил, или же их рабочий день начинался позже, в десять и в одиннадцать часов.

Подошла красивая девушка, фигурой которой Роман невольно залюбовался. Одета она была по причине хорошей летней погоды в лёгкий сарафан, не скрывающий длинных красивых ног, на свежем лице ни следа макияжа, на губах – ни капли помады. В руках – открытая книга.

Красота псковичанки подействовала и на других мужчин. И даже старикан обратил на неё внимание, что-то неодобрительно проворчавший в адрес девушки. Ничего вызывающе-

го в ней не было, кроме разве что молодости, видимо, она и вызвала зависть у представителя старшего возраста.

Внезапно рядом с остановкой резко затормозил джип-паркетник «Рено» золотистого цвета. Опустилось окошко водителя, выглянул смуглолицый небритый молодой человек.

– Эй, красавица, садись, подвезу.

Девушка бросила на него равнодушный взгляд, отрицательно качнула головой, снова уткнулась в книгу.

– Садись, бесплатно довезу, – продолжал настаивать кавказец, помогая себе жестами; говорил он с отчётливым акцентом.

– Не надо, – тихо ответила девушка, отодвигаясь к стеклянной стеночке остановки.

Парень вылез, направился к ней, взял под руку.

Она оглянулась, вырвала локоть.

– Не трогайте меня!

Пассажиры, ожидавшие автобуса, начали переглядываться, но вмешиваться не спешили. Всем была известна наглость переселенцев с юга, везде устанавливающих свои порядки и уважающих только силу.

– Да чо ты боишься, я не обижу. Вишь, тачка какая?

– Я не поеду с вами, отойдите!

– Брось ломаться...

– Замри! – сказал Роман тихо, но с нажимом, берясь за локоть парня.

Тот вздрогнул, обернулся. Зрачки кавказца начали расширяться.

– Звон в ушах, приятная ломота в мышцах! – продолжал Роман р а с к а ч и в а т ь сознание молодого человека, как рекомендовала методика ФАГа. – Ты слышишь только меня, видишь только меня, подчиняешься только мне, и тебе приятно! Отпусти её... теперь иди за мной! Тебе очень хорошо! Ты ехал по делам, вспомни!

Роман вдруг заметил двух мужчин, с интересом наблюдавших за ним из кабины тёмно-фиолетового «Форда», но не придавал их взглядам значения, повёл парня к джипу.

– Садись, всё нормально, тебя ждут дела! Уезжай!

Кавказец беспрекословно нырнул в кабину, повернул ключ зажигания. Глаза его посветлели, оделись флёрот лёгкого безумия. Зрачки расширились настолько, что заполнили чуть ли не всю радужку. Какая-то странная искра проскочила в них. Роман даже почувствовал нечто вроде щелчка включения.

Дальнейшее произошло неожиданно, помимо его воли.

Кавказец выждал пару секунд, глядя на дорогу, и внезапно погнал машину через улицу, пересекая сплошную белую полосу. Ехавший навстречу фургон «Вольво» отвернуть не успел.

Раздался визг тормозов, удар, скрежет металла.

Джип не взорвался, но его смяло и перевернуло.

Закричали женщины.

– Что вы ему сказали?! – ошеломлённо спросила девушка с книгой.

– Да сказал – катись! – ответил не менее ошеломлённый Роман, оглянувшись на «Форд».

Пассажиры, сидевший рядом с водителем, тёмнолицый, со щёткой усов, подмигнул ему, повернулся ко второму пассажиру, сидевшему на заднем сиденье.

Обострённым чутьём Роман скорее почувствовал, нежели услышал сказанное:

– Пусть теперь этот кретин думает, что это он виноват. «Форд» сорвался с места, влился в поток автомобилей.

У попавших в ДТП машин начала собираться толпа.

Роман заколебался, не зная, что делать. Помочь кавказцу и водителю фургона он не мог, а отвечать на вопросы инспекторов ДПС не хотелось.

В этот момент подъехал автобус.

Пассажиры стали заходить в салон, незнакомка с книгой тоже вошла, нерешительно оглядываясь на разбитый джип. Рома занёс ногу на ступеньку, но в последний момент передумал.

Автобус закрыл дверцы, уехал.

На остановке остались пацаны, оживлённо переговариваясь (Ты видел?! – Нет, ты видел?!), и седой старик, рассматривающий дымящиеся автомобили из-под козырька руки.

Роман, так и не решив ничего, подошёл ближе к месту аварии. Виновным он себя не считал, так как не внушал кав-

казцу броситься под колёса большегрузного фургона. Да и услышанная им фраза подозрительного пассажира «Форда»: «Пусть теперь этот кретин думает, что это он виноват», – наводила на размышления.

А ведь это результат пси-программирования, заговорил внутренний голос.

Я его не программировал! – возразил Роман сам себе.

Речь не о тебе. Южанина запрограммировали до тебя, неужели не понял? Случайное совпадение, что ты оказался здесь в этот момент.

Ничего случайного в жизни не бывает.

Не повторяй то, чего не понимаешь.

Я думаю.

Он вспомнил свою первую встречу с Геннадием Евгеньевичем Играевым.

– Я не буду учить тебя подчинять других людей ради хохмы или игры, – сказал медик. – ФАГ – не игрушка, это оружие, и применяться оно должно только в исключительных обстоятельствах, по большей части для самозащиты.

– Я понимаю, – пробормотал Роман.

– Диктовать свою волю толпе – низменное занятие. Хотя этим с успехом занимаются известные нам «человеческие пастухи». Вот сопротивление воле «пастухов» – занятие достойное. Мне говорили, что ты владеешь в а д о й.

– Чем? – не понял Роман.

– Дистанционным пси-воздействием, – усмехнулся Игра-

ев. – Его ещё называют сглазом. Наши далёкие предки тоже умели в а д и т ь, сбивать противника с панталыку либо лечить «застрявших в себе» – психически больных людей. Но это к слову. Лечить ты умеешь, знаю, теперь научишься защищаться.

К месту аварии подъехала бело-синяя «Волга» дорожно-патрульной службы, из неё вышли милиционеры, попытались открыть дверцы «Рено».

Роман с облегчением увидел, что водитель подаёт признаки жизни.

Можно было уезжать и не морочить себе голову sacramентальными вопросами типа: «кто виноват?» и «что делать?» Хотя, с другой стороны, если этот парень был запрограммирован, то не включилась ли программа, когда кавказец услышал кодовое слово-ключ? Что он ему сказал?

Роман потёр лоб, вспоминая свою «альфа-гипнотическую» речь.

Да ничего особенного и не сказал! Ключом, активирующим программу, может стать любое слово. Единственное, что непонятно: зачем кому-то понадобилось программировать кавказца на самоликвидацию? Ради эксперимента? Для испытаний?

Зазвонил мобильный.

Роман спохватился, достал старенький мобик «Нокиа». В глубине развернувшегося визора мелькнули две белые снежинки – опознавательный знак Вьюгина.

– Как ты вовремя, – обрадовался Роман. – Тут такое произошло! Я собирался...

– Вряд ли моя новость менее значительна, – перебил его подполковник. – О китайцах слышал?

– Нет. Что с ними? Американцам на очередную мозоль наступили?

– Их «Великий поход» свалился при посадке в какую-то дыру в Море Кризисов!

– Не может быть! – не поверил Роман.

– Ты где?

– Собирался ехать на тренировку с Вохой, сажусь в автобус.

– Доедешь, включи телек. Очень странная история. Туда наши полетели, на новом межпланетнике, мы его с тобой запускали.

– «Русь».

– Он сейчас на Луне, проходит последние испытания. Так вот, наши долетели, увидели нечто вроде шахты, подземные залы, стены, представляешь?

– Ну да, – хмыкнул Роман, – а в зале их ждали селениты с хлебом и солью.

– Напрасно шутишь. Наши только успели убраться оттуда, как в этот провал грохнулся астероид. Разнёс всё к чёртовой матери!

Роман наконец освободился от дум о кавказце.

– Астероид? Не может быть!

– Так говорят. Я думаю, охрана этой самой шахты спохватилась и взорвала дырку вместе с китайской ракетой.

– Какая охрана?

– Не читал реестр необычных происшествий на Луне? Дам почитать. Уже давно идут разговоры об искусственности нашего спутника. Было время, между прочим, когда Луны не было, это разные веды утверждают. Но не в том суть. Когда наша «Русь» возвращалась к станции в Океане Бурь, на неё напал НЛО.

– Погоди, не части, – взмолился Роман. – Что за НЛО? Откуда на Луне НЛО?

– Наши его то ли отогнали, то ли сбили, точно не знаю, но вся эта история мне активно не нравится. Уж не наткнулись ли китайцы на замаскированную базу АПГ? Сообщи Малахову, пусть его эксперты проанализируют.

– Хорошо.

– А теперь давай о твоих делах.

Выслушав рассказ Романа о происшествии на остановке и пообещав подумать над ним, Афанасий отключил мобильник.

На тренировку Волков заявился на двадцать минут позже, чем обычно.

Дом Вохи стоял на улице Лесной, в пригородном районе Кресты, бывшем посёлке, получившем название в связи со своим местоположением – на пересечении дорог: Крестовского и Ленинградского шоссе.

Хозяин не сделал гостю ни одного замечания по поводу опоздания, но Роман сам рассказал ему о столкновении с водителем джипа.

– Я не внушал ему бросаться под колёса грузовика, – добавил он, смущённый и раздосадованный признанием. – Он сделал это сам. А ещё там были свидетели на «Форде», которые чего-то ждали. Мне показалось, они следили за ним и уехали сразу, как только джип врезался в фургон.

– Опиши их, – коротко попросил Воха, среднего роста, не качок, сухой и жилистый. Глаза у него были серые, становясь стальными в отдельные моменты, и ничего прочесть в них было нельзя, кроме сосредоточенного внимания. Он носил аккуратную короткую бородку, чисто подбривал щёки и коротко стриг жёсткие светлые волосы.

– Водитель был похож на меня, – сказал Роман, улыбнулся. – В смысле – безволосый, я его не очень хорошо разглядел. Первый пассажир похож на казаха, тёмнолицый, с усами. Второй сидел сзади, я его тоже плохо разглядел. А что?

– Поищем, – сказал Воха скупно. – Здесь их вроде бы не было.

– Где? Кого?

– В Пскове. Эмиссаров АПГ.

Роман с любопытством посмотрел на тренера. Аббревиатура АПГ означала Ассоциацию Поводырей Галактики, хотя её чаще переименовывали как Абсолютно Преступную Группировку. Что, в общем-то, соответствовало реальному положению.

нию дел.

– Ты думаешь, это были они?

– Проверим.

– А как вообще узнали про АПГ?

– Несколько лет назад из их лагеря сбежал один из учёных, очень сильный психолог.

– Как?

– Сумел каким-то образом усыпить бдительность церберов. Несмотря на то что ему всадили в голову чип. Он продержался шесть часов, после чего сработала программа самоликвидации. Но рассказал он многое. Мы и так уже работали, следили кое за кем, однако всю картину не представляли. Кстати, первоначально наша система трёх «Н» базировалась на других «Н».

– Что ты имеешь в виду?

– Наблюдение. У Дюрренматта есть произведение, которое называется «О наблюдении за наблюдающим за наблюдателями». Отсюда и взяли аббревиатуру ННН. Уже потом суть её изменилась, стала активнее.

– Никого над нами, – пробормотал Роман.

– Переодевайся.

– Кто это был? Ну, я имею в виду сбежавшего.

Воха посмотрел на гостя ставшими стальными глазами, и Роман начал торопливо переодеваться.

В принципе, занятия интуитивной системой боя (тренер называл её и з в о р о т о м, название «ведоспас» ему не нра-

вилось) не требовали большой физической отдачи, но приходилось изредка и потеть, работать с достаточно большой нервной и физической нагрузкой.

– Искусство и з в о р о т а не зря сравнивают с пистолетом, – начал Воха во время первой встречи с учеником. – Пока он не заряжен – он почти безобиден. Тот, кто им владеет, тоже безобиден, но превращается в смертельно опасное оружие, если того требует ситуация. Как ты думаешь, что лежит в основе рукопашки?

– Сила, – ляпнул Роман не подумав, поправился, – мысли. И техника?

– Основа и з в о р о т а – принципы и психологическая подготовка. Я почти не буду учить тебя стойкам и ударам, тело само знает, как ему встать, как защитить себя от ударов и самому нанести один точный и неотбиваемый удар.

– С какой стати оно знает? – недоверчиво сказал Роман.

– Человеческое тело – совершенный инструмент жизни, имеющий множество вариативных интуитивно реализуемых программ. Оно и в самом деле знает, какой удар нужен: ломающий кости, рвущий сухожилие, калечащий или только стопорящий, останавливающий. Поверь мне на слово. Через месяц ты начнёшь понимать меня, через два – своё тело, через три – свою психику.

– Я читал о восточных единоборствах, но там всё по-другому. Нужно тренироваться много лет...

– С одной стороны – это половина правды, так как меха-

ническое запоминание не даёт полной свободы действий, с другой – мастером боя может стать каждый, если при этом он вспомнит, что человек рождён мастером жизни.

– Не каждый рождается мастером...

– Каждый! Мы просто забыли об этом. Точнее, нам помогли забыть. Ты экстрасенс, тебе будет проще вспомнить всё, что знали и умели наши предки. Начнём с простого: ударь меня.

Роман не удивился предложению, он ждал его, так как беседовал с Афанасием, мастером рукопашного боя, и не слышал от него истории, ставшие апокрифами, с чего начинают тренировки классные наставники. Ударил он, как ему показалось, неожиданно, левой рукой в висок Вохи... и не дотянулся до виска буквально на миллиметр.

– Тебя выдала твоя мысль, – спокойно сказал тренер. – Не учили блокировать мыслесферу?

Роман вспомнил советы Олега Харитоновича.

– Практики не было.

– Попробуй ещё раз.

Роман сосредоточился, закрыл голову «зеркальным пузырьком», сделал вид, что хочет ударить Воху в подбородок, но сам нанёс удар коленом.

Удар не прошёл.

Воха снова успел отодвинуться ровно настолько, чтобы колено противника лишь коснулось его бедра.

– Неплохо. Теперь тебя выдали глаза. Не удивляйся, эта

система – и з в о р о т – применялась ещё дочеловеческой цивилизацией, когда мысль была не просто искрой сознания, а и потоком энергии. Миллион лет назад её адаптировали под свои нужды предки человека истинного, от них она перешла к арктам, предкам нашим, которые смогли задействовать весь потенциал тела. Мы только пытаемся вспомнить, что умели они. Знаешь, что даёт и з в о р о т?

Роман хотел ответить веско, перечислить известную ему «суперфизику» боевых кондиций, но передумал.

– Что?

– В первую очередь мгновенное понимание алгоритма ответа. Доверься своему телу, и оно отреагирует само.

– Уход в бессозналку? – понимающе хмыкнул Роман.

Воха засмеялся.

– Где ты это слышал? В принципе, действительно в бою работать надо на бессознательном уровне, мысли мешают, разум совершает ошибки. Но ведь жизнь – это поток сознания? Научись отвечать на её вызовы параллельно сознанию, а для этого надо обрести уверенность в своих силах, причём не через десять-пятнадцать лет, а сейчас.

– Понятно.

– Ну, если понятно, начнём. – И Воха без замаха толкнул Романа в грудь, так что тот отлетел к стене, хватая воздухом.

– Не понял, – с сожалением сказал тренер. – Ещё раз объяснить?

Роман проглотил обидное возражение (ты же не предупредил!) и заставил себя заблокировать все эмоции. Жизнь в лице тренера бросала ему вызов, и отвечать на него надо было автоматически, инстинктивно.

С того дня он чётко усвоил стратегию поведения: всегда быть готовым к любой неожиданности, опираясь на голос постоянно работающей интуиции...

– С полнотой и гибкостью движений мы разобрались, – начал Воха после короткой разминки. – Ты уже можешь поворачивать руки и ноги по самым сложным движениям и векторам свободы. Это хорошо. Сегодня начнём постигать технику выведения противника из равновесия.

– А удары? – поинтересовался Роман.

– Ударная техника впереди. Сначала надо заставить работать голову, потом остальные части тела. Ты готов?

Вместо ответа Роман мгновенно кинул кулак в лицо Владимира Игоревича, зная, что он среагирует, и тут же толкнул его другой рукой в плечо.

Воха не поддался на приём. Улыбнулся.

– Хорошо, я не успел прочитать тебя. Из тебя выйдет толк.

– Лишь бы недалеко вышел, – проворчал Роман.

– Делай как я.

Тренировка началась...

Возвращался домой он в начале второго, продолжая двигаться и впитывать все полевые перемены вокруг так, как учил Воха.

Тренер впервые показал ему точки активного поражения на теле человека, и когда Роман заявил, что видит их в буквальном смысле этого слова, предложил в перспективе сосредоточиться на технике Дим-мак, адептами которой являлись китайские мастера.

– Воздействие на точки гораздо эффективнее, чем зубодробительные йоко-гери и апперкоты. Если ты видишь нервные узлы и научишься безошибочно попадать в них пальцами, интуитивно определяя степень воздействия, станешь непревзойдённым мастером.

– Я читал о технике «смертельного касания», – заикнулся Роман.

– «Смертельные касания» тебе знать рановато, – возразил Владимир Игоревич. – Достаточно овладеть нейтрализующей системой. Ты хороший биоэнергетический оператор, владеешь ФАГом...

– Ещё не владею, учусь.

– Владеешь, только не знаешь об этом. Изворот – лишь дополнение к твоим природным данным, главное твоё оружие – дистанционное пси-воздействие. А этому не научишься, с такими возможностями надо родиться. Мне, к примеру, дистанционка не даётся.

Роман промолчал.

Расстались они как всегда дружески.

– Завтра в семь вечера, – сказал Воха, прощаясь.

Роман кивнул, пожал локоть тренера (рукопожатий тот не

любил) и вышел.

Захотелось есть.

Подумав, Роман добрался до своей улицы и направился в любимое кафе «У Некрасова». На входе он едва не столкнулся со стайкой молодых девушек, среди которых оказалась соседка по подъезду: её квартира находилась рядом с квартирой Романа, на первом этаже.

Звали соседку Юна. Отца девушки звали Варсонофием, Роман удивился, узнав об этом: знакомых с такими редкими именами у него пока не было.

Юна закончила сельскохозяйственный институт, хорошо бегала на коньках, мечтала войти в сборную России по конькобежному спорту, но повредила колено и вынуждена была попрощаться со спортивной карьерой.

Обо всём этом Роману рассказал сам сосед Варсонофий Ипатьевич, который оказался одним из модераторов «Триэн». Роман постеснялся спросить у Олега Харитоновича, специально ли его поселили рядом с триэновцем, но догадывался, что некий расчёт имел место. Речь шла не о доверии – о безопасности нового сотрудника.

Дочь пятидесятилетнего Варсонофия понравилась Роману. Красавицей назвать её было нельзя, но она была симпатичная, вежливая, часто улыбалась, что ей очень шло. Глаза у Юны были тёплые, карие, с медовым оттенком, а брови, взлетавшие на лоб как крылья, добавляли лицу очарование. Свои длинные волосы она нередко укладывала короной ли-

бо заплетала в косу. С ней можно было говорить о чём угодно, потому что она умела слушать и задавать непростые вопросы. Однако у неё всегда имелось собственное мнение по любым проблемам, которое она менять не любила, что говорило о твёрдом характере девушки.

Роман не выяснял детали её прошлой жизни, но со слов Варсонофия Ипатьевича знал, что до трагедии с коленом Юна собиралась выйти замуж. Правда, как только её друг узнал, что спортивная карьера Юны под большим вопросом, свадьба расстроилась. Видимо, он рассчитывал на славу жены и большие гонорары, а не то что сильно любил девушку.

К Роману она относилась хорошо, даже слишком. Это его и забавляло, и огорчало. Он всё ещё надеялся, что Даниэла вернётся, и другие девушки жили в параллельной вселенной. Хотя и ханжой он себя не считал.

– Роман Евлампиевич! – воскликнула Юна, всплеснув руками. – Вы обедать?

– Да вот, хочу заморить червячка, – улыбнулся он.

– Ой, а мы уже поели, – огорчилась девушка. – Знакомьтесь, девочки: это Роман Евлампиевич, целитель, живёт в соседней квартире. Если что заболит – обращайтесь.

Девушки, спутницы Юны, с откровенным любопытством посмотрели на Романа, и ему захотелось их чем-нибудь удивить. Он представил, что голова у него покрыта волосами, послал соответствующую пси-установку, и по удивлению в глазах девушек понял, что фокус удался.

– Как вы это делаете? – прошебетала одна из них.

– Он ещё и не то умеет, – махнула рукой Юна, хотя удивилась и она.

– Блины пеку, – подтвердил Роман, – крестиком вышиваю.

Девушки прыснули.

– И людей насквозь видит, – похвасталась Юна. – Мы сегодня вечером здесь день рождения Марьяши справляем, ей стукнуло двадцать че...

– Юнька! – с упрёком перебила её сероглазая блондинка.

– Не верю, – заявил Роман, возвращая себе прежний безволосый облик. – Вам семнадцать, не больше.

Блондинка засмеялась, остальные подруги Юны тоже развеселились.

– Приходите, посидим, шампаника выпьем, – предложила Марьяша.

– Благодарю, если не случится ничего непредвиденного, приду.

Юна бросила на Романа благодарный взгляд, коснулась его руки, и компания умчалась.

Роман посмотрел им вслед. В груди шевельнулась грусть. Жизнь изменилась настолько, что приятные встречи и мелкие радости казались недоступными, отчего очень хотелось, чтобы кто-то ждал его дома. Кто-то, с кем можно было поделиться мыслями, новостями, радостями и горестями.

Роман покачал головой, вздохнул, вошёл в кафе. Мимо к

выходу проследовали двое мужчин. Один из них – темнолицый, с усиками, показался знакомым.

Роман оглянулся и вспомнил утреннее происшествие с кавказцем на джипчике «Рено». Это были мужчины из «Форда», наблюдавшие за джигитом. Романа они не узнали, но это не имело значения, потому что он-то как раз узнал их.

Он вышел вслед за парой, проследил, как они садятся в тёмно-фиолетовый «Форд Мондео». По номеру можно было вычислить владельца машины, а через него выйти на его приятелей, занимающихся странными делами.

Став начальником нового Центра психофизических технологий, созданного на базе отдела ИПФ, и получив звание полковника, Вьюгин резко изменил образ жизни, большую часть времени пропадая на работе. Правда, на семейном плане это не сказалось, потому что семьянина из Афанасия не получилось. Хотя и не по его вине.

После того как чекисты разоблачили и взяли Симу, подругу Лики, та потеряла вдруг к Афанасию всякий интерес. Сбитый с толку, он много раз пытался объяснить Лике, что Сима – самый настоящий шпион, работает на иностранную разведку, и жалеть её не стоит, но успеха не добился. Лика принимала его холодно, о совместной жизни не заговаривала, а когда Сима покончила с собой – выпрыгнула с пятого этажа во время допроса (Афанасий имел глупость рассказать Лике об этом) – и вовсе перестала звонить и отзываться на звонки.

Когда он осознал своё поражение и поделился эмоциями с главой «Триэн» Олегом Харитоновичем Малаховым, деятельность которого требовала от сотрудников высокой концентрации психических сил, Олег Харитонович ответил:

- Ты должен разбираться в людях, майор.
- Полковник, – криво улыбнулся Афанасий.
- Поздравляю. Твоя Лика не была запрограммирована за-

бугорными спецами, однако наверняка получила от Симы некие обещания.

– Какие?

– Подумай сам. С чего это она потеряла к тебе интерес?

Афанасий честно подумал.

– Не знаю, что она могла обещать. Лика звонила мне даже в Северодвинск... и в Углегорск, на космодром.

– Именно в те дни, когда нашим врагам требовалась информация по спуску подлодки на воду и старту «Руси». Сима была уже завербована агентами АПГ, через неё они и узнавали о том, где ты работаешь.

Афанасий сжал зубы. Координатор «Триэн» был прав. Но и догадаться, что Сима пообещала Лике за сведения о друге, майоре ФСБ, было трудно.

В мае отдел переехал в отдельное здание на улице Народного Ополчения, а в июне Афанасий помог Олегу Харитоновичу встретиться с бывшим начальником отдела ИПФ.

Войнович к этому времени уже был заместителем директора ФСБ и возглавлял УСП – Управление стратегического планирования. Склонить его на сторону «Триэн» было исключительно важно, так как с приобретением такого ценного сторонника система борьбы с Поводырями человечества переходила на гораздо более высокий уровень.

С Олегом Харитоновичем Войнович встречался трижды, прежде чем осознал важность деятельности «Триэн», после чего дал согласие работать на систему и получил доступ к

базе данных системы, а потом начал принимать участие в стратегически важных мероприятиях.

С Афанасием он теперь общался регулярно, что в принципе объяснялось вполне обоснованными рабочими связями. Центр психофизических технологий регулярно занимался мониторингом пси-загрязнений России, и его выводы помогали ФСБ выявлять источники «заразы» – иностранных агентов и коррумпированных чиновников высших эшелонов власти гораздо быстрее.

Двадцать четвёртого июля, после сообщения от Романа о происшествии в Пскове, Афанасий загорелся желанием включить этот древний город в список контролируемых Центром и позвонил Войновичу.

– Не суетись, – остудил его пыл генерал. – Если мы там засветимся, АПГ поймёт, что мы для чего-то мониторим Псков, и прошерстят его со своей стороны. А в городе твой Волков.

– Понял, – сконфузился Афанасий.

– Я доложу Малахову об этом случае. Кроме агентов АПГ, заниматься такими делами – экспериментировать с кодирантами – некому. Вполне возможно, у них там база. Кстати, сколько у нас по статистике кодирантов?

– Больше пятидесяти тысяч только тех, кто ничего не помнит. Плюс ещё столько же временно терявших память.

– Вот чем надо заниматься. Это действует система закладки программ. Твоя команда должна приложить все усилия

для декодирования «забывантов». Получено «добро» сверху. Их к чему-то готовят. К чему?

– К всемирной революции, – пошутил Афанасий.

– Она уже произошла, грядет нечто новое и более кардинальное. Возникла и ещё одна проблема.

– Китайские тайконавты?

– О китайцах мы тоже поговорим, как только «Русь» вернётся на Землю. Допросим экипаж, выясним детали.

– Допросим?

– Не придирайся к словам. И твоим сенсам работа найдётся. Сдаётся мне, китайцы случайно наткнулись на лунную базу АПГ. Жди вызова к Папе.

Афанасий коротко сказал:

– Жду.

Папой в «конторе» называли директора ФСБ.

Заработало воображение. После коротких раздумий Афанасий помчался в Центр, расположенный в тихом особняке, в старом парке, и развил бурную деятельность, в результате которой стали известны подробности трагедии на Луне.

Во-первых, пришла секретная информация по Управлению от сотрудников «конторы», обеспечивающих безопасность Российского Космического Агентства. Действия тайконавтов были признаны правильными, а провал их корабля в подлунные пустоты оценен случайным событием, какие происходят чрезвычайно редко. Место посадки «Шэнь Чжоу-20» было хорошо изучено с помощью телескопов и ло-

каторов и не насторожило селенологов ни одним параметром. Точно так же здесь мог провалиться и любой другой корабль, американский или российский, вздумай его командир сесть точно в эту же точку Моря Кризисов.

Во-вторых, пришли данные от тех специалистов, которые беседовали с экипажем «Руси». Бортинженер российского корабля Михаил Астахов, спускавшийся в провал и благополучно вернувшийся обратно на борт «Руси», утверждал, что видел какие-то искусственные сооружения и геометрически правильные формы пещеры и стен. Из его слов можно было сделать вывод, что китайский модуль продавил крышу какого-то древнего города или технического объекта, принадлежащего обитателям Луны. Однако доказать этот вывод было нельзя, особенно после того как в место посадки китайского лунника грохнулся метеорит.

В-третьих, Афанасий собрал группу сенсов в составе четырёх человек, поставил задачу «интраскопировать» Луну в районе Моря Кризисов и получил однозначный ответ: «Там что-то есть!»

Правда, конкретных деталей подземного убежища экстрасенсы не разглядели, но сошлись во мнении, что в районе посадки китайского корабля располагается некий энергетический артефакт, вызывающий у сенсов странные ощущения.

– Бездна, – выразил свои ощущения экстрасенс Джокер. – Очень древняя, очень необычная, с нечеловеческими запахами.

– Если это подземный город, – добавил Петяй, – то не наш.

– Подлунный, – уточнил Афанасий.

– Ну, подлунный.

– Что значит – не наш?

– Его строили не люди.

– А кто? Американцы?

– Очень смешно.

– Вообще объект очень похож на базу, но не человеческую.

– Кто её взорвал?

Экстрасенсы переглянулись.

– Не мы, – хмуро пошутил Крист.

Написав отчёт «о прослушивании Луны», Афанасий доложил о своих выводах начальнику Управления «Т» и позвонил Роману:

– Ты Луной не занимался?

– Нет, – озадаченно ответил Волков. – А надо?

– Хорошо бы посмотреть на Море Кризисов с наших позиций.

– Вернусь вечером с тренировки и посмотрю. Больше ничего не скажешь?

– Пока нет, верстаю программу на полгода, будет и тебе работа. Если, конечно, тебя это заинтересует.

– Меня в данный момент интересует поведение кавказца.

– Обратись к Варсонофию, расскажи ему обо всём, это в компетенции аналитиков «Триэн».

– Ладно, – после паузы ответил Роман.

Разговор закончился.

Афанасий кивнул сам себе: он вполне понимал экстрасенса, от которого ушла жена. Они теперь находились в равном положении и отвлечься от личных проблем могли только с помощью напряжённой работы.

На следующий день его ждали две встречи.

Первая – с начальником Т-Управления, вторая – с Олегом Харитоновичем.

Генерал вызвал его в Управление к двенадцати часам дня, и Афанасий получил задание для Центра: обеспечить на своём уровне безопасность нефтяной платформы в Северном Ледовитом океане, обладающей собственным ядерным реактором.

Несмотря на благополучно завершившийся делёж океана между государствами, чьи берега выходили в арктические воды: Россия, Норвегия, Дания, Канада и Соединённые Штаты, – борьба за его ресурсы продолжалась, доходило до стычек между военными кораблями, охранявшими государственные акватории, и на успехи соседей все смотрели с завистью и подозрением. Лишь Россия к этому моменту имела шельфовые танкеры и новые ледоколы, поэтому её успехи в строительстве нефтяных установок обсуждались на всех уровнях и могли спровоцировать американцев (да и «мирных» канадцев) на любые «подвиги».

Начальник Т-Управления был, как всегда, лаконичен и

грубоват.

– Сороковой градус северной широты и восемьдесят пятый градус восточной долготы, – сказал он. – Склон котловины Нансена.

– Это же Арктика, – хмыкнул Афанасий.

– А я вам не предлагаю отпуск на южных морях, – сухо оборвал его генерал.

Об информационном обеспечении задания он не обмолвился ни словом, что означало: подчинённые должны были сами позаботиться об изучении места предполагаемого действия. А поскольку о Северном Ледовитом океане и о нефтяных платформах Афанасий имел самые общие представления, ему предстояло лично заняться сбором данных, изучить все детали операции и организовать работу бригады сенсов на самой платформе.

Афанасий прикинул, хватит ли ему времени на поиск нужных баз данных, и сожалеюще цокнул языком. У него было всего три с половиной дня на все процедуры, включая перелёт, что означало: надо браться за дело немедленно и напрягать память, чтобы запомнить всё для выполнения задания.

Вторая встреча – с координатором «Триэн» произошла вечером в квартире Афанасия.

После того как Выюгин обнаружил у себя дома целую систему «жучков», встроенных в детали интерьера, он каждый день проверял квартиру с помощью микроволнового скане-

ра ДВГ, разработанного в недрах российских военных лабораторий и получившего у специалистов меткое прозвище «дамвглаз». Сканер был способен определить любое передающее или записывающее сигнал устройство, в том числе созданное на базе нанотехнологий.

Однако с момента ухода Лики, а точнее, с момента задержания её подруги Симы, в квартире Афанасия никто не появлялся, кроме Олега Харитоновича, а он каким-то образом сканировал квартиру (не иначе – «третьим глазом») и вести разговоры не боялся даже на самые секретные темы.

Когда Афанасий заикнулся о разговоре с Романом Волковым, Малахов остановил полковника:

– Я знаю, наши люди уже анализируют ситуацию. Ты лучше скажи: на концерты ходишь?

Афанасий, перестав помешивать ложечкой зелёный чай, недоумённо посмотрел на гостя.

– На какие?

– Где поют, – усмехнулся Олег Харитонович, также берясь за чашку.

– А-а... нет, некогда. Раньше ходил, Лика таскала по театрам, теперь изредка телик включаю.

– Кого-нибудь из певцов знаешь?

– Лично?

– Необязательно.

– Молодых или зрелых?

– Да любых.

– Я человек старой закалки, мне нравятся песни Лозы, Лепса, Носкова, не говоря уж об Антонове, дай бог ему здоровья, как говорится.

– Тебе не кажется, что кто-то намеренно принижает возможности одарённых певцов?

– Что имеется в виду? – пробормотал Афанасий озадаченно.

– Могу назвать с десяток талантливых исполнителей, творчество которых искажено либо опущено до состояния низкопробной попсы. Ты наверняка слышал песни Серова, Леонтьева, Меладзе, Преснякова.

– Конечно, это же практически классика. У них не всё ровно, но поют они...

– Вот! – поднял вверх палец Малахов. – Не всё ровно! Большинство их песен – пусты как воздушные шарик и немелодичны! Они могли бы вызывать у слушателей гораздо больше позитивных эмоций, организовывать целые системы д о б – р о г о восприятия. Понимаешь? А вместо этого их завывания вызывают совсем другие чувства, вплоть до агрессивных.

– Ну, я не думал...

– Причина же в том, что позитивные эмоции никак не устраивают «пастухов» человечества. Они питаются энергией другой части спектра, которая начинается с равнодушия и заканчивается злобой и ненавистью.

– Не знаю, – качнул головой Афанасий. – Я действитель-

но не анализировал песни в таком ракурсе. Каким образом можно организовать подобный контроль?

– Да элементарно. АПГ работает на Земле сотни, если не тысячи лет и учитывает все происходящие в обществе процессы. Кстати, именно поэтому эмиссары Ассоциации занимают такие важные посты в социуме, как программаторы СМИ, телевидения, радиовещания, комментаторы, критики, культурные деятели.

– Министры...

– И министры, полковник. Кстати, и в России министр образования и науки – их ставленник, а возможно, и сам Поводырь. Но это к слову. Казалось бы, институт президентства – мощнейшая структура, которую невозможно поколебать. Президенты руководят государствами, транснациональными корпорациями, выстраивают внешнюю и внутреннюю политику, держат экономику и распределяют ресурсы. Так?

– Наверно.

– А на самом деле в л а с т ь постепенно перетекает в другие ёмкости, к тем, кто заправляет умами и формирует общественное мнение. Это видно даже по росту демонстраций недовольных своим положением мигрантов. Слышал, что творится в Германии, Франции, Италии? Вообще в Европе?

– «Чёрные бунты».

– Верно. Европа наводнена пришельцами с юга, и общество превращается в бездумную толпу, которой легко управ-

лять. Но вернёмся к России. Хочу дать задание.

– Я уже получил задание, – вздохнул Афанасий.

– По работе?

– Надо срочно готовить группу в Арктику, в Северном Ледовитом океане скоро состоится запуск первой нефтяной платформы.

– Ничего, наше задание проще и не требует мгновенного вмешательства. Хотя не менее важно. О комиссии по лженауке слышал?

– В комиссии работает один из экспертов «конторы».

– Необходимо взять под контроль её деятельность. Несмотря на кое-какие положительные дела, результат работы комиссии исключительно негативный! Закрываются абсолютно новые научные направления, замалчиваются перспективные труды талантливых самоучек и изобретателей, местные и федеральные власти отказывают финансировать проекты, которые потом вдруг реализуются за рубежом. Дальше терпеть такое положение просто преступно, страдает не отдельный человек, страдает Россия.

– У меня нет полномочий заниматься другими... проектами.

– Войнович в курсе, он поможет.

Афанасий помолчал, переваривая поступившую вводную. Заниматься комиссией по лженауке ему не хотелось, тем более что он не знал, каким образом сможет на неё повлиять Центр психофизических исследований. Но и отказываться

от задания координатора он не имел права.

– Хорошо.

– И ещё о системе развлечений. Пора тебе задуматься, кто её инициирует и ради чего.

– Это важно?

Олег Харитонович пососал дольку лимона, проглотил, не жуя.

– Ты не представляешь, насколько важно. Это простейший способ установить контроль над людьми. По сути система развлечений – один из базовых элементов глобального контроля за человечеством.

– Есть и другие?

– Множество. Главное – поддерживать пустоту в головах, отучать от умственной деятельности, а для этого всё годится: ухудшение качества образования, подавление технического творчества, стимулирование низменных потребностей, эпатирование публики, эмоциональное насильствие, шквал секса, переписывание истории и многое другое. Что делают, к примеру, средства массовой информации?

– Средства массовой дезинформации.

– В точку.

– Врут?

– Верно. Но главное – переключают сознание взрослого населения от решения социальных проблем на второстепенные вопросы. А что делает реклама?

– Тоже врёт.

– Отвлекает сознание людей, подчиняет его слоганам типа «бери от жизни всё». В сфере развлечений появилась новая система, которую никто из государственных деятелей не стремится понять. А система между тем продолжает развиваться, порождая художников, делающих натюрморты из замученных животных или скульптуры из фекалий. Возникли целые музеи и центры этого нового «искусства», в Москве их уже более двух десятков. Перечислять дерьмо, бурлящее в недрах нашего опускающегося на дно потребительского общества, бессмысленно. К чему это я тебе вещаю? К тому, чтобы ты понял: это не проявление свободы, как нам вдалбливают в головы правоведы и правозащитники. Это проявление с в о б о д ы р а с п у – щ е н н о с т и, ведущей в пропасть послушное рабское стадо.

Афанасий тоже взялся за ломтик лимона.

Олег Харитонович пригляделся к его ставшему задумчивым лицу.

– В вашей «конторе» не говорят о таких вещах?

– Мы инструмент решения проблем, а не школа. Нам выдают задания, мы их выполняем. Хотя кое о чём говорят, высшим офицерам даже читают лекции по психологии социума.

– Значит, и в вашей епархии что-то меняется, пусть и медленно. О вреде существующей системы экзаменов вам ничего не сообщали?

– Нет.

– Сам-то как думаешь, зачем нужны экзамены?

– Для контроля успеваемости, – не сразу нашёл ответ Афанасий, сбитый с толку. – Надо же проверить, знает человек пройденную тему или нет.

– Верно, но лишь отчасти. Экзамены нужны «пастухам» для того, чтобы отслеживать, в какой степени контролируется сознание и мышление детей. Вот почему всё чаще в средствах массовой... гм, гм, дезинформации появляются материалы о необходимости чипизации людей, детей – в первую очередь. Да ради «благой» цели – контроля их здоровья, самочувствия и занятости. Но это – предпосылки самого настоящего т о т а л ь н о г о контроля за человечеством! Чипы имплантированы уже миллионам людей, но целью является вживание чипов всем и каждому.

Свело челюсти, и Афанасий проглотил дольку лимона.

Малахов взял ещё одну.

– Не ломай голову, зачем я затронул эту тему. Всё, о чём я сказал, инициируется Поводырями через обычных людей. Ты, как офицер ФСБ, должен знать о таких вещах в первую очередь. Уверен, среди сотрудников «конторы» немало агентов АПГ, надо уметь вычислять их и...

– Давить!

– Перепрограммировать, как мы сделали это с Феллером. Собирай информацию, я хочу привлечь тебя к проблемам молодёжного досуга и обучения. Возможно даже, ты станешь модератором. В настоящее время мы анализируем состояние

дел в эскорт-агентствах и салонах красоты, системе модных подиумов.

– А это зачем? – не понял Афанасий.

Олег Харитонович укоризненно покачал головой.

– Детские вопросы полковнику ФСБ задавать не пристало. Что такое элитные эскорт-агентства? Красивые девочки сопровождают бизнесменов и больших начальников на деловые встречи и за рубеж. Так?

– Вы тоже задаёте... вопросы.

– Нет, дорогой мой. Очень красивые и п о р о– д и с т ы е, прошу прощения за термин, девочки сопровождают уро-дов! Или нелюдей, что одно и то же. А потом исчезают. Хочешь статистику? В настоящий момент в России только официально зарегистрировано сто сорок тысяч пропавших без вести молодых людей, в большинстве своём – девушек. Из них красавиц – около сорока процентов. И очень много погибших. Одна умерла от передозировки наркотика, вторая выпрыгнула из окна...

– Как Сима, – пробормотал Афанасий.

– Третья бросилась под поезд метро, четвёртая под машину. Соображаешь, о чём речь?

Афанасий осоловело сморщился.

– Чушь какая-то! Вы хотите сказать, что их специально... убивают?

– Точного ответа нет, но существует предположение, основанное на фактах, что качественный генофонд русского

народа уничтожается намеренно. Либо через алкоголь и наркотики, либо с помощью оглуляющих программ ТВ, либо физически, если другие методы не помогают и где-то намечается созревание очагов красоты, ума и силы. Займёшься?

Афанасий помолчал, с силой потёр лоб ладонью.

Последние события в Греции и на территории России, в Северодвинске и Углегорске, показали, что эмиссары фантастической Ассоциации Поводырей Галактики вполне материальны и что «Триэн» действительно сражается с реальным противником. Но одно дело – служить отчизне на посту сотрудника Федеральной службы безопасности, другое – переходить в состояние борца с невидимыми пришельцами на уровне, который раньше даже в голову не приходил. Во всяком случае Афанасий пока до конца не осознал важность этого решения. Мешал уклад жизни, мешали инструкции службы, вошедшие в плоть и кровь, полученные знания, мнения окружающих о «зелёных человечках» и собственное отношение к фантастике. Если бы ни встреча с Романом Волковым, а через него с руководителями «Триэн», Афанасий вряд ли когда-нибудь поверил в масштаб противостояния сил, проявленных на Земле. Но главное, что он сомневался в реальном существовании «ползучего» захвата власти.

И всё ещё казалось, что этими делами должен заниматься кто-то другой.

Олег Харитонович понял его молчание.

– Трудно, понимаю, но если не мы, то кто? У нас впервые

появился шанс крупно поколебать позиции АПГ, и этим надо непременно воспользоваться.

Афанасий непонимающе глянул на собеседника.

– Вы взяли кого-то... из Поводырей?

– Ну, до Поводырей добраться пока не удаётся, хотя кое-кого из них мы вычислили. Скоро возьмёмся за нашего российского, удобно устроившегося в кресле министра образования. Нет, я имею в виду твоего приятеля Волкова.

Афанасий продолжал смотреть непонимающе, и Олег Харитонович добавил:

– Его возможности очень высоки, выше, чем у любого из нас. Возможно даже, они сравнимы с кондициями Поводырей. Надо их просто отточить, вытащить, как говорится, из ножен. С его помощью мы намереваемся выйти на главную базу АПГ на Земле и ещё дальше, в центр управления самой АПГ.

Афанасий хмыкнул.

– Это невозможно.

– Почему нет? Есть только одна проблема: Роман не родился воином, хотя ему и интересна наша деятельность. Его надо постоянно стимулировать, иначе он быстро перегорает и успокаивается.

– От него ушла жена.

– Я знаю. Это не радует, ибо поддержка любимой женщины даёт очень много.

– Потеря заставляет напрягаться. Иногда она даёт резуль-

тат, который ждёшь годами.

Олег Харитонович раздвинул губы в улыбке.

– Это из собственного опыта?

Усмехнулся и Афанасий.

– Из чужого. Я наблюдателен.

– Нелишнее качество для сотрудника «конторы».

– А для вашего сотрудника?

– Тем более. Но мне пора. Запишу на диск кое-какую интересную информацию по конкурсам красоты разного уровня и передам. Думаю, это заставит тебя задуматься.

– Мне послезавтра надо быть в Арктике.

– Мы не торопимся, звони, если понадобится помощь. Наши люди живут и на Крайнем Севере.

Олег Харитонович откланялся, а Афанасий занялся изучением материалов по новому заданию. Спать он лёг далеко за полночь. Зато хорошо запомнил географические данные по всему маршруту следования от Москвы до самой платформы, а также узнал все особенности океана в месте её установки и технические характеристики самой конструкции.

Утром двадцать шестого июля спецгруппа Центра в составе семи человек была готова к путешествию в Арктику.

Афанасий взял с собой заместителя, майора Эрика Шаймиева, четверых экстрасенсов, проверенных в деле: Джокера, Криста, Зюму и Зяблика, – и квартирьера Тараса Двигуненко, игравшего также роль сотрудника, обеспечивающего

безопасность группы. Двигуненко пришёл в ФСБ из спорта, будучи классным борцом-вольником, мастером спорта международного класса, чемпионом Европы в среднем весе, и уже зарекомендовал себя с самой лучшей стороны.

После короткого инструктажа группа села в микроавтобус, который к двенадцати часам дня доставил всех на военный аэродром в Кубинке.

Здесь всё было стандартно: часовое ожидание, посадка в самолёт через спецтерминал, размещение группы в грузовом отсеке бывшего бомбардировщика «Белый лебедь» («Ту-160»). Кроме команды Вьюгина, пассажиров не оказалось, хотя отсек был заполнен синими контейнерами всего на треть, и в нём можно было разместить ещё два десятка человек.

Взлетели в начале второго.

– Что в программе? – задал необязательный вопрос суетливый, остроносый, небольшого роста Зяблик.

– Вино, коньяк, девочки, – пошутил черноволосый Крист.

– Девочки у меня давно выпали из программы, – отмахнулся Зяблик. – Знаешь, сколько мне лет?

– Неужели сто?

– Почти угадал – восемьдесят один.

Все с интересом и недоверием посмотрели на коллегу, перевели взгляды на Афанасия, севшего к окну с плаком⁵.

– Правда, командир? – спросил Крист.

⁵ Плак – планшет-компьютер.

– Правда, – кивнул Шаймиев. – Хотя это секретные сведения.

– Предлагаю всем поспать, – сказал Афанасий. – Лететь долго, а отдыхать не придётся вовсе.

– А коньяк?

– На обратном пути, – пообещал Шаймиев.

Вскоре все уgomонились, затем кто-то взялся за книгу, кто-то приник к иллюминатору, кто-то действительно заснул. Экстрасенсы давно привыкли к командировкам в разные концы России и не ворчали, как прежде, о слишком частых сборах. Они были энтузиастами своего необычного ремесла и верили, что вершат благие дела.

Полторы тысячи километров от Москвы до Нарьян-Мара самолёт преодолел за один час сорок минут. Сели в аэропорту без десяти минут три.

Нарьян-Мар, с ненецкого – Красный город, располагался за Полярным кругом, в низовьях Печоры, в ста десяти километрах от побережья Баренцева моря. Но сам город пассажирам «Белого лебедя» рассмотреть не удалось, помешали облака.

Аэропорт принадлежал Министерству обороны России, хотя на нём садились и гражданские самолёты, а когда отремонтировали взлётно-посадочную полосу, он стал обслуживать и крупные среднемагистральные воздушные суда. Во всяком случае «Белый лебедь» – бывший сверхзвуковой бомбардировщик сел здесь нормально.

В аэропорту группа провела больше часа: выгружались, ждали сопровождающего, добирались до следующего транспортного борта, которым оказался новейший скоростной вертолёт «Ми-Х1», или «Беркут», способный развивать скорость до семисот километров в час. На такой «вертушке» подчинённые Афанасия ещё не летали, поэтому с любопытством начали рассматривать хищные обводы чуда российской авиатехники, выглядевшего как огромная клювастая птица.

– Да, научились делать у нас такие машины! – заключил осмотр Крист.

– Всегда умели, – возразил ему Зяблик. – Вспомни «Ка-52» «Аллигатор». Даже у амеров подобных не было.

– По-моему, его сделали всего в одном экземпляре.

– Какое-то время так и было, – согласился Шаймиев, спец по военной технике, в прошлом – лётчик. – Только в начале века «Аллигаторы» стали поступать в войска. Потом пошли «Ночные охотники» – «Ми двадцать восьмые» и «тридцать четвёртые». Это вы просто современных «вертушек» не видели. Сейчас испытывается машина, которая вберёт в себя все новейшие технологии, «Касатка» называется. Скорость – до девятисот, вооружение – как у штурмовика, маневренность – не снилась ни одному забугорному конструктору. Плюс незаметность, плюс малозумность, плюс исключительная живучесть. Да, командир?

– Садитесь, – коротко приказал Афанасий.

Расселись в тесной кабине «Беркута» с трудом, так как в ней уже лежали какие-то тюки и ящики.

Взлетели в половине пятого. Следующим пунктом пересадки являлся остров Южный из архипелага Новая Земля. Затем группа должна была пересечь на другой вертолёт и добраться до острова Визе в Баренцевом море, откуда её должен был забрать вертолёт, принадлежащий концерну «Газпром» и обслуживающий непосредственно строящуюся платформу.

Солнце торчало над горизонтом слева по курсу, но не садилось. За Полярным кругом царил долгий арктический день, и нужно было привыкать к постоянству света днём и ночью.

Вертолёт пересёк береговую линию. Впереди распахнулась безбрежная ширь Баренцева моря, вызывающая ассоциации гофрированного листа из свинца и стали. Вдали мелькнула нефтяная вышка, похожая на игрушечную.

– Что-то измельчали задания, – проворчал Джокер, провозжая вышку глазами. – Раньше посерьёзней дела делались.

– Ты о чём? – поинтересовался Шаймиев.

– Нас вызывали на гораздо более важные мероприятия: спуск на воду атомного подводного крейсера в Северодвинске, старт нового космического корабля под Углегорском. А тут какая-то фитюлька – нефтяная вышка.

– Ну, это ты зря, – не согласился майор. – Платформа – огромное сооружение, а главное – опасное. Вспомни ава-

рию на платформе в Мексиканском заливе в две тысячи десятом году. Она затонула после пожара в апреле, нефть удалось остановить в сентябре, а нефтяное пятно нейтрализовали только в следующем году.

– Это была экологическая катастрофа, – кивнул Зяблик. – Ещё и сейчас экосистема залива не восстановлена полностью, я читал.

– Так что если кто грохнет нашу вышку... – начал Крист.

– Понял, – вздохнул Зяблик. – Мало не покажется. Кстати, командир, а почему с нами не летит этот супермен, Волков?

– Ты что-то имеешь против него? – прищурился Шаймиев.

– Да нет, нормальный мужик.

– Он в резерве, – сказал Афанасий.

Разговор иссяк.

Вертолёт нёсся над блещущим, как рябое зеркало, морем всё быстрее, будто пытался обогнать солнце, но оно упорно висело на краю воды, забирая правее, и не собиралось прятаться за горбом Земли.

Новая Земля показалась на горизонте через два с лишним часа.

Вертолёт зашёл на остров Южный с юга, поэтому его пассажиры не увидели пролив Маточкин Шар, отделявший остров Южный от Северного.

Сели на военном аэродроме Амдерма-2, расположенном рядом с посёлком Рогачёво, успев заметить строительные

краны на берегу Большой Губы, где было уже почти завершено строительство нефтяного порта. Флора острова не радовала разнообразием даже летом, так как росли здесь в основном мхи, лишайники и северные травы, да изредка глаз цеплялся за островки ивы ползучей и карликовой берёзы, спрятавшиеся от ветра в низинках. Температура воздуха на аэродроме держалась у отметки плюс два градуса по Цельсию, из-за чего пришлось натягивать на себя северные костюмы «Урс», которыми снабдили группу экипировщики.

«Беркут» улетел.

– Поужинать бы, – сказал теплолюбивый Зяблик, застёгивая куртку на все кнопки и молнии.

– Взлетим – поужинаем сухим пайком, – пообещал Афанасий.

Они добрались до синих домиков аэродромного комплекса, Шаймиев заскочил в один из них, несколько минут отсутствовал, затем появился в сопровождении сурового бородача в куртке «Аляска», с капюшоном.

– Идёмте, – сказал тот коротко.

Пришлось переть пешком до старенького «Ми-8», сиротливо стоявшего в двух сотнях метров от вышки управления полётами.

– Ну и колымага, – презрительно выпятил губы Крист.

– Да уж, не «Беркут», – отозвался Зяблик.

Бородач никак не отреагировал на их реплики. Поговорил с пилотами, обнаруженными в кабине, бросил два слова:

счастливого полёта, – и удалился.

Крист хотел что-то сказать в адрес предложенного транспортно-средства, но посмотрел на каменное лицо Афанасия и удержался. Спросил у одного из пилотов, судя по всему – ненца:

– Давно летаете?

– Давно, однако, – показал своеобразную улыбку пилот. –

Трисадь пять лет.

– Стаж хороший, – поразился Зяблик. – А «вертушке» сколько лет?

– Стока ж, однако. Хоросая масына, не падала.

Экстрасенсы переглянулись.

Шаймиев засмеялся, похлопал Зяблика по плечу и полез в грузовой отсек вертолёта.

Расселись, взлетели.

Афанасий расслабился. Пока всё шло хорошо, без сбоев и напрягов, хотя чем дальше на север забирался отряд, тем больше щемило сердце. И чувству этому он никак не мог подобрать название. Это был не страх: он не боялся северных широт, хотя и не любил бескрайние снежные поля и ледяные торосы. Но и безрадостным, неуютным, недобрим его ощущение не было тоже. Оно рождалось ожиданием неизвестности, поиском негатива, лежащего в основе задания, и этим давило на психику, заставляло жить будущими заботами.

– Ужинаем? – спросил Шаймиев.

Афанасий очнулся, кивнул.

Достали банки с консервами: тушёной свининой, курятиной, говядиной, салатами. Открыли сгущёнку. Термос с горячим чаем был один на всех, поэтому досталось каждому всего лишь по полкружки.

После ужина задремали, убаюканные ровным лопотанием винтов. Смотреть в общем-то было не на что, под вертолётном распростиралась свинцовая морская гладь, на которой изредка возникали чёрточки кораблей.

До острова Визе долетели за полтора часа.

Остров представлял собой плоскую глинисто-песчаную нашлёпку на воде, на которой росли только лишайники да ягель. По сути, это был кусочек тундры, занесённый на край света невероятным ухищрением природы. Максимальная высота его холмов едва достигала двадцати семи метров над уровнем моря. Температура же и летом не превышала минус трёх-четырёх градусов.

На острове располагалась гидрометеорологическая полярная станция, одна из самых северных в мире. Возле неё и сел вертолёт, подняв тучу снежной пыли: на острове лежал снег.

Группа высадилась.

– Интересно, а дальше кто нас повезёт? – полюбопытствовал Крест. – Никого не видать.

Афанасий добрался до жилого домика станции, где его встретили три полярника, нёсшие свою скучную с виду службу. Они были малоразговорчивы, похожи друг на друга,

как братья, – бородками и усами, и никакого интереса к гостям не проявили.

– Была вчера «вертушка», – сказал кряжистый плотный начальник станции, имя которого Афанасий тут же забыл. – Не знаю, кого она ждала, но улетела два часа назад.

Афанасий оглянулся на вошедшего следом Шаймиева:

– Эрик, задержи нашу старушку.

Майор убежал.

– Горючка у вас есть? – спросил Афанасий.

– Есть, но самим нужна.

– У меня карт-бланш на доставку груза. Нам необходимо быть в пункте назначения через двенадцать часов.

– А куда вы летите? – повернулся к нему начальник станции, в то время как его коллеги увлечённо играли в какую-то компьютерную «стрелялку».

– Лучше бы вам этого не знать, – усмехнулся Афанасий. – Скажу только, что мы решаем очень важную государственную задачу, поэтому просим помочь.

– Много горючки надо?

– Долететь до острова Ушакова.

– Две бочки, если туда и обратно. Ладно, ужмёмся, запросим базу. На кого сослаться, если что?

– На Минобороны, – сказал Афанасий.

– Понятно.

Вошёл Шаймиев.

– Всё в порядке, Вова согласен.

Афанасий не сразу понял, что речь идёт о первом пилоте «Ми-8».

– Вова?

– У него так в паспорте: Вова Эльгытгын.

– Попроси парней, чтобы помогли погрузить горючку. –

Афанасий пожал руку начальнику станции. – Спасибо за понимание.

– Не останетесь отдохнуть?

– Нет времени. У вас есть связь с коллегами на острове Ушакова?

– Ни разу не контактировали, но можем попробовать.

Афанасий заколебался, решая в уме, стоит или нет запрашивать станцию на Ушакове, потом отказался от этой идеи.

– Всех благ!

Он вернулся к вертолёту. Экстрасенсы уже загрузили бочки с горючим в отсек и расположились в брюхе винтокрылой машины. Они даже завели спор, суть которого осталась Афанасию непонятной. Речь шла о какой-то «ахаратной медитации».

– Взлетаем, – сказал он в ответ на взгляд Тараса Двигуненко.

Тот пробрался в кабину к пилотам, и вертолёт зашевелил лопастями, напрягся, тяжелою поднялся в воздух.

Остров Визе ушёл вниз, и снова под брюхом вертолёта за сверкала под лучами низкого солнца великая спина стылого Северного моря.

По «нормальному» поясному времени европейской территории России было уже одиннадцать часов вечера, и на Москву опустилась ночь. Однако в Арктике всё ещё был день, солнце переместилось ближе к северу и светило теперь в глаза пилотам. Лететь было трудно. По совету Афанасия Двигуненко вернулся в кабину вертолёта, включил географический навигатор. Пилот Вова знал дорогу к острову Ушакова, но не возражал, чтобы его контролировали.

Пассажиры уснули.

Афанасий сам чувствовал, что засыпает, попытался бороться, потом махнул рукой и перестал. Делать всё равно было нечего, а смотреть в иллюминаторы на лист сморщенного металла, каким казалось море, не хотелось.

Проснулся он от прикосновения.

– Прилетели, – сказал Двигуненко, глыбой нависший над полковником.

Афанасий протёр глаза кулаками, посмотрел в иллюминатор.

Остров Ушакова был невелик, весь покрыт льдом и снегом, и обнаружить его даже с небольшой высоты было нелегко.

Афанасий вспомнил детали, изученные им дома.

Остров был открыт в тысяча девятьсот тридцать пятом году экспедицией на ледоколе «Садко» и назван в честь великого мореплавателя и флотоводца Фёдора Фёдоровича Ушакова. На острове также располагалась полярная станция

«Садко», работавшая с пятьдесят четвёртого года до середины восьмидесятых и вновь открытая в две тысячи четырнадцатом.

Вертолёт приземлился в сотне метров от двух ярко-жёлтых домиков станции, подняв снежную метель. Ни корабля, ни другого летающего судна в окрестностях острова не было видно, и Афанасий с угрюмой неуверенностью подумал, что как бы не пришлось и дальше, до платформы, лететь на «Ми-8», ресурс которого давно опустился к нулю. Если не ниже.

Группу не ждали.

Когда пассажиры вертолёта вылезли из его чрева, ёжась от пронизывающего ветра, к ним подошли двое полярников в одинаковых северных костюмах с откинутыми капюшонами. Один был сед и стар, с коричневым задубевшим лицом, второй юн и безус, хотя тёмный северный загар тронул и его лицо.

– Какими судьбами? – подал руку первым старик. – Фёдор Кузьмич, начальник станции. Это Жека.

Юноша с раскрасневшимися под ветром щеками стеснительно кивнул.

– Нас должны были забрать с... э-э... – проговорил Афанасий.

– С «хоботка на линзе»? – прищурился Фёдор Кузьмич.

– Как?

Начальник станции посмотрел на хохотнувшего спутника.

– Вы летите на платформу, не так ли? Мы называем её «хоботком на линзе». Вышку ставили на нефтяной линзе, там глубина океана самая маленькая, нет километра.

– Занятое название. У вас нет, случайно, связи с... э-э, «хоботком»?

– Почему нет, есть, постоянно новостями делимся. К нам они частенько прилетают, забирают людей, которые добираться с материка, как и вы. Пойдёмте в дом, поговорим. Мы уже легли, распорядок дня у нас как на суше: отбой в одиннадцать, подъём в восемь утра (Жека хмыкнул, Фёдор Кузьмич посмотрел на него строго), если только молодёжь не балуется Интернетом. Связь с берегом у нас постоянная, через спутник.

Экстрасенсы гурьбой двинулись к домикам станции, возле которых стояла решетчатая вышка непонятного назначения, дизель, вездеход на огромных шаровидных колёсах и огороженные цистерны.

В самом большом домике, сделанном по финским проектам, где собственно жили и работали обитатели станции (один из них, как выяснилось, спал) и где стояла аппаратура для контроля территории острова, было тепло.

Фёдор Кузьмич включил комплекс связи (вышка оказалась антенной и она же могла играть роль маяка при необходимости), быстро вызвонил какого-то Сергеича:

– Тут прилетели с Большой земли, говорят, их должны забрать ваши ребята.

– Семь человек, – отозвался Сергеич. – Старший – Вьюгин.

Фёдор Кузьмич посмотрел на Афанасия. Тот показал ему своё удостоверение.

– Полковник, надо же! – уважительно протянул начальник станции. – У нас таких гостей отродясь не было.

– Генералы прилетали на Шмидта, – вставил слово Жека.

– С острова Шмидта до «хоботка» ближе, – кивнул Фёдор Кузьмич. – От нас – сто сорок километров, от них – сто пять. В основном начальство через Шмидта летит.

– Сколько ждать?

Фёдор Кузьмич повторил вопрос микрофону.

– Завтра утром, часов в семь будет борт, – пообещал Сергеич. – Ждите.

– Располагайтесь, – развёл руками хозяин станции. – Тесновато у нас, конечное дело, однако не в поле же на снегу спать.

– Весело, – буркнул Джокер.

– Ничего, не बारे, разместимся, – ответил ему молчаливый степенный Зюма.

Мнение Зюмы поставило точку в неначавшейся дискуссии по поводу тесноты и грядущих неудобств. К счастью, станция имела нормальный туалет с подогревающимся полом, и это обстоятельство примирило привыкших к иным условиям бытия экстрасенсов с действительностью.

В двенадцать часов ночи (с тусклым солнцем, ползущим

от Северного полюса к востоку) легли спать. Все получили спальники и расположились на полу главного помещения станции и в спальне. Хозяева не предлагали свои койки гостям, да они в этом и не нуждались. Жизнь выкидывала с ними и не такие фокусы.

Афанасий сходил с Двигуненко к «Ми-8», поблагодарил пилота Вову и его коллегу, и те, обрадованные возможностью вернуться домой, кинулись к своей машине, связанной с ними нитью судьбы.

Вертолёт улетел. Стало тихо, но ненадолго: кто-то плеснул хвостом в море, закричали чайки.

– Живут и здесь, – кивнул на них Двигуненко. – Ничто их не берёт, никакие холода, никакие ветра.

– Может, и нам придётся переселяться сюда когда-нибудь, – ответил Афанасий задумчиво. – Север – это наше всё: и прошлое, и будущее.

Тарас посмотрел на него удивлённо, однако возражать не стал.

Они вернулись в домик станции и вскоре уснули.

Вертолёт с платформы прилетел за гостями с Большой земли в шесть часов сорок минут условного утра.

Афанасий поднял всех в шесть, поэтому группа успела привести себя в порядок и попить чаю.

На сей раз винтокрылая машина, украшенная сине-красными полосами и эмблемой «Газпрома», была гораздо новей и комфортабельней, нежели «Ми-8».

– «Коршун», – сказал Шаймиев с ноткой уважения в голосе. – «Ка-226». Классная машина. Мне на таком летать не приходилось.

Пилотов было два. Один из них выбрался из кабины, побеседовал в сторонке с Фёдором Кузьмичом и вернулся. Второй в это время показал Афанасию пассажирский салон, и отряд расположился в удобных креслах, с интересом обозревая интерьер салона.

Взлетел «Коршун» быстро, упруго, не обращая внимания на увеличение взлётного веса, набрал приличную высоту.

Остров Ушакова ухнул вниз и исчез, растворился на свинцово-сером фоне моря.

Летели всего ничего. Уже через полчаса на горизонте показалась остренькая шпилька, превратилась в тростинку, в карандаш, в башенку буровой вышки, и вертолёт буквально спикировал на платформу, так что пассажиры едва успели её рассмотреть.

Больше всего «хоботок на линзе» напоминал крепость с зубчатыми краями – для противостояния айсбергам и ледяным полям. Издали его действительно можно было принять за крепость или старинный дредноут, у которого вместо пушек имелись трубы, цилиндрические ёмкости, баки, мостки и стеллажи. Афанасий, изучив технические характеристики платформы ещё дома, знал, что сооружение проектировали в ЦКБ «Кристалл», а строили на верфях Калининграда, поэтому она была «насквозь своя», отечественная, хотя

и не уступала ни в чём зарубежным аналогам. Для южных морей обычно платформы подвешивали на толстые трубы, намертво укреплённые в морском грунте. Эта конструкция представляла собой плавучее основание с натяжным якорным креплением. Для того ему и понадобились острые «крепостные» зубцы – чтобы льды не могли повредить обшивку платформы и буровую вышку.

Мелькнули пристыкованные к платформе с разных сторон корабли: один – похожий на большой буксир, второй – военный.

Вертолёт сделал полукруг и сел точно в центр нарисованного круга на специальной площадке, похожей на мишень.

Пассажиры, восхищённые мастерством пилотов, полезли наружу.

Группу встретил моложавый мужчина в бело-синем северном комбинезоне с меховым капюшоном.

Афанасий полез за удостоверением, но встречающий не стал проверять документы.

– Полковник Выюгин?

– Так точно, – ответил Афанасий.

– Миленкович Кирилл Силантьевич, начальник пусконаладочной смены. Нас предупредили о прибытии экспертов. Места у нас мало, ещё иностранцы прилетят, поэтому вас придётся селить в один кубрик. Надеюсь, ненадолго.

– До пуска, – подтвердил Афанасий. – Попробуем уместиться. Как насчёт минимальных удобств?

– О, не беспокойтесь, у нас развёрнута специальная бытовая система безотходного цикла, биотуалеты, биодуш и так далее. В кубрике всё есть. С чего начнёте?

– Расположимся, попьем кофейку, если найдётся.

– Кухня у нас отличная, всё нормально.

– Дадите нам полчаса?

– Разумеется, как скажете. Сейчас пришлю проводника, он покажет вам кубрик, столовую, кафе и всё остальное. Самостоятельно по платформе передвигаться не рекомендую, наладочные работы ещё не закончились, буровая уже гонит грязь, вот-вот пойдёт нефть.

Миленкович кивнул и скрылся в переплетении стеллажей и лестниц.

Мимо прошли пилоты «Коршуна». Гости остались одни. Откуда-то доносились звуки работы механизмов, человеческие голоса, но самих людей видно не было.

– Охраны не вижу, – заметил Двигуненко.

– Есть тут охрана, не волнуйся, – проворчал Джокер. – Телекамера прямо на нас смотрит. Да и сторожевик слева под бортом стоит.

– Холодно, – поёжился Зяблик, натягивая капюшон.

– Минус пять и ветер.

Появился молодой парень в таком же «Урсе», что и его начальник. Глаза у него были сонные.

– Идёмте, кубрик на втором ярусе.

Прибывшие, озираясь, спустились по металлической

лестнице на этаж ниже, миновали решетчатое ограждение большого проёма и вышли к белой, пластиковой на вид стене с дверью и красной надписью на ней: «Гостиница».

– Ребята шутят, – виновато покосился сопровождающий на Афанасия.

– Нормально.

Кубрик, выделенный гостям, оказался вместительным, хотя и рассчитан был на троих.

– Мы здесь не задержимся, – сказал Афанасий в ответ на красноречивый взгляд Джокера. – Ночь продержимся, а после пуска улетим.

Побросав свои сумки в угол кубрика, группа проверила качество местного биотуалета, умылась, после чего проводник повёл её в блок питания.

На завтрак ушло полчаса.

Вместе с прилетевшими завтракали нешумные молодые парни в оранжево-синих спецовках и две девушки, с любопытством поглядывающие на бледнолицых москвичей.

– Хорошо кормят, – оценил меню Крист.

С ним согласились все. Кормили работавших на буровой людей действительно хорошо, вкусно и сытно. Особенно понравилась москвичам рисовая каша, которую они едали в столице редко.

Напились настоящего – не растворимого – кофе, повеселели.

– Теперь можно и подремать минуток шестьсот, – пошу-

тил Зяблик.

– Дома будешь дремать, – встал первым из-за стола Шаймиев. – Пошли изучать натуру.

Проводник по имени Гоша (Крист спросил, как его зовут) с готовностью поднялся из-за стола. Он тоже решил позавтракать.

Вышли на верхнюю палубу платформы.

– Что вам показать?

– Всё, – лаконично сказал Афанасий.

– Где реактор? – поинтересовался Зюма.

– Внизу, под котельной, отдельный блок.

– Давайте пройдемся сначала по верху, – сказал Афанасий. – Покажите нам главные узлы платформы, причалы, оборудование, реактор посмотрим в последнюю очередь.

– Хорошо, тогда начнем с вышки. – Гоша направился к центру платформы, тыкая рукой во все стороны. – Это буровое сооружение, вышка, мостки, лебедка, кранблок. Дальше – двигатели, буровые насосы...

Через час осмотр платформы закончился.

Гости впервые увидели, как выглядят в реальности манифольды (нефтегазовая арматура), дроссели, вертлюги (блоки, связывающие долото и тали), а также оборудование для очистки бурового раствора, котельная, склад ГСМ и реактор, снабжающий платформу электроэнергией.

Впрочем, непосредственно в зону реактора «экспертов» не пустили, у них не было на это разрешения. Да этого и не

требовалось, экстрасенсам достаточно было посмотреть на легко встраиваемый в любую конструкцию модуль реактора, представляющий по сути судно, способное самостоятельно передвигаться по морю.

– Это всё, – сказал Гоша, когда группа снова поднялась к вертолётной площадке. – Вопросы есть?

– Как платформа охраняется? – спросил Джокер.

Во время экскурсии они много раз встречали работающих наладчиков и монтажников оборудования и буровых рабочих в оранжево-синих робах, но ни одного охранника так и не увидели.

– Сторожевик так и будет стоять здесь всё время? – кивнул Зяблик на военный корабль, на палубе которого не было видно ни одного матроса.

– Это малый противолодочный корабль «Севастополец».

– Не вижу разницы.

– Охрана есть, – расплылся в улыбке Гоша. – Но об этом вам лучше поговорить с начальством. Мы не имеем права разглашать.

– Спасибо за лекцию, – сказал Афанасий. – Мы теперь сами погуляем.

– Лучше бы вы не гуляли без сопровождения. – Гоша помялся, не решаясь задать какой-то мучивший его вопрос. – Мне сказали, что вы эксперты.

– И что?

– По какому оборудованию? Я понял, что платформа для

вас, что для селёдки телевизор.

Экстрасенсы переглянулись.

– Мы эксперты по общепсихосферным манипулятивным системам, – серьёзно сказал Шаймиев.

– А-а... – Гоша почесал в затылке. – Тогда понятно. Так я пойду доложу Кириллу Силантьевичу?

– Без возражений.

Проводник ссыпался по лесенке куда-то в недра первой палубы.

– Ну-ка повтори, в какой области науки мы эксперты? – хмыкнул Крист.

– В области общепсихосферных манипуляций, – повторил слова майора Джокер.

– И как это вяжется с нефтяной платформой?

– А пусть теперь думает, что мы тут делаем.

– Отставить ёрничество, – сказал Афанасий. – Вы всё видели. Что скажете?

– Надо просканировать, – буркнул Зюма.

– Я ничего подозрительного не заметил, – пожал плечами Крист.

– Здесь сплошное железо, – пожаловался Зяблик, плохо сканируется.

– Откуда ждать удара, если кому-то взбрѣдет в голову взорвать платформу?

– Разве что снизу, – высказал свое мнение Джокер, – из-под воды.

– Подводная лодка? Её враз засекут пограничники. Диверсанты-камикадзе?

– Сюда хрен кто доплывёт с островов, – покачал головой Зюма.

– А обученные дельфины или косатки?

– Да кому это надо, торпедировать платформу касатками? – удивился Зяблик.

– Дай бог, чтобы никому, – жёстко сказал Афанасий. – Но мы должны предусмотреть все варианты, даже если они и кажутся кому-нибудь дурацкими. Идите в кубрик, работайте по своим методикам.

– А ты? – спросил Джокер.

Афанасий заметил яркий костюм Кирилла Силантьевича.

– Я потолкую с начальником смены. Майор, проводи.

Шаймиев махнул рукой экстрасенсам, направился к лестнице. Члены группы потянулись за ним, косясь на море и на появившиеся на горизонте облака.

Двигуненко взглядом спросил у командира, что ему делать.

– Постереги кубрик, – сказал ему Афанасий. – Чтобы никто им не помешал.

Тарас ушёл вслед за остальными.

На палубу взобрался Кирилл Силантьевич.

– Ну как, осмотрелись?

– Всё отлично, приступаем к работе.

– А что собираетесь делать конкретно, если не секрет?

– Изучать психосферу, – усмехнулся Афанасий, вспомнив фразу Шаймиева. – Сколько людей сейчас работает на платформе?

– В смене тридцать человек, работаем по шесть часов. Но это ещё не штатное расписание, чисто наладочное, предпусковое. Вообще численность экипажа буровой – сто двадцать человек, по сорок в смене, каждая будет работать по четыре часа через восемь.

– Я имею в виду, сколько людей на платформе в данный момент.

– Этого я не знаю. Наших – около сотни, и ваших человек десять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.